

7008567

AL

СТАЖЕ

ИСКОВОГО

И О Б О Х О Т Е С Н Е Й

JD

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

84

30 MAR 2011

3 ТМО Т. 5000000 З. 1225—86

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

О ЛАЙКЕ
И ОБ ОХОТЕ С НЕЙ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Г. И. ДЕМИДОВА, А. М. САРАФАНОВА и А. И. ЭМКЕ

Проверено 1935

Проверено 1933

Издательство «УРАЛЬСКИЙ ОХОТНИК»
УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СОЮЗА
ОХОТНИЧЬИХ И РЫБАЦКИХ КООПЕРАТИВОВ

С В Е Р Д Л О В С К — 1 9 2 7

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

Пр. 1940

С. 100 000 ч

Уралобллит № 4402.

Тираж 6000.

Свердловск, «Уралгизграф», типография «Гранит». Заказ № 6921.

Государственная публичная
библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

О ЛАЙКЕ.

1.

Происхождение лайки.

Лайки получили это название за привычку свою, — вернее, за свое неценное свойство, — найдя зверя или птицу, лаять на них, призывая этим хозяина.

Происхождение свое лайки ведут, повидимому, или от волка, или от дикой остроухой собаки, и этого же мнения придерживался и покойный А. А. Ширинский-Шихматов, который производит лайку вогульскую от дикой остроухой собаки, а в корельской видит примесь волка.

Несомненно, что все повадки лайки и ее внешние признаки, — стоячие уши, узкая морда, косой разрез глаз, окрас шовины, — напоминают собой дикого зверя. Даже движения лайки, ее розыск в лесу, манера хода и общие приемы, — все это определенно говорит за то, что лайка произошла от волка, и ее настоящее давно одомашненное положение и до сих пор не вытравило из нее признаков звериного прошлого.

Есть, между прочим, одна характерная особенность, которая подтверждает это мнение: почти ни одна лайка не идет за волком, — и я, по крайней мере, о таких лайках не слышал. Рассказывают, будто в Сибири встречаются лайки, догоняющие и ловящие лисиц, но я с большим недоверием отношусь к таким рассказам: из моей личной практики могу сообщить, что все бывшие у меня и у моих знакомых лайки, а также и лайки одного Петербургского кружка, которые одно время находились в моем распоряжении, не брали сиделой лисицы, — и

только один молодой кобель, довольно энергичный, их душил. А все эти лайки по злобе были первоклассными собаками, из под которых нередко мы брали медведей.

Я неоднократно замечал полное безразличие лаек к лисе и волку, — положительно такое же, как если бы к ним забежала, ну, скажем, чужая дворняжка! Я не раз, привозя с охоты мертвых волков, пробовал замораживать их в стоячем положении и показывать лайкам в более или менее лесной обстановке, — и все таки они этого зверя игнорировали; лайки волка обнюхивали, иногда с ворчаньем, причем некоторые из них поднимали на него ногу и мочились, — но и только...

Косвенным доказательством правильности предположения о происхождении лайки от волка может еще служить и следующее.

При преследовании зверя лайки имеют характерную особенность: они почти никогда не залают только на след, а лишь тогда, когда уже увидят зверя. Любопытно с этим сопоставить такое наблюдение.

Однажды мне пришлось видеть, как три волка гнали беляка. В тот год в нашей Тверской губернии беляков была гибель. Я ехал утром рано в одну из первых порош на охоту и, проезжая одним широким логом в раскидистых обширных пустошах, заметил, вдалеке, что какой-то не то зверь, не то собака, — сразу рассмотреть было трудно, — мастерил чей-то след. Подаваясь ближе к этому месту, я переехал след волка, который покрывал заячий след, и тут же вскоре услышал какие-то отрывистые взбрехи, точно такие же, какие обычно издает дворняжка, когда, подбурив зайца, дует за ним во все лопатки. Но эти звуки, хотя и напоминали голос дворняжки с фальцетными возгласами, были сравнительно редкоскалы. Пока я раздумывал над вопросом, что бы это могло быть, на лог, которым я только что проехал, вылетел беляк, и сейчас же сзади него, примерно, в 10—15 сажнях, выкатил матерый волк. Он и издавал опи-

саннее выше взлал, а несколько в стороне, поодаль, в том же направлении вынеслись еще два волка.

Я залюбовался этим редким зрелищем, тем более любопытным, что эти волки, их фигуры, приемы и самая гоньба живо напомнили мне гоньбу зайцев лайками, — так однородны с ними были звери и в своих движениях, и в окрасе, и во всех приемах преследования...

А. А. Ширинский-Шихматов, между прочим, пишет: «Что касается корельской лайки, то в ней многое говорит за присутствие крови волка; не говоря уже об общем виде ее строения, коренного окраса псовины и совершенно волчьего уха, — измерение коренных зубов корельской лайки дает цифры, наиболее подходящие к цифрам измерения волков.

«Произведенные у меня помеси зырянской суки с волком подтверждают только что высказанное мною предположение. Полученный помет дал типичных корельских лаек. Считаю необходимым добавить, что лайки, даже в значительном количестве, очень неохотно берут волка, равно как самоседская лайка — песца, с которым она предпочитает загрызать — резвиться».

Это заключение А. А. Ширинского-Шихматова подкрепляет мое утверждение, что лайки волка вообще не берут.

Таким образом, из всего приведенного можно заключить, что происхождение лайки именно от волка следует считать наиболее вероятным предположением.

II.

Разновидности лаек.

А. А. Ширинский-Шихматов делит лаек на две основные группы.

I ГРУППА.

Стоячее, высоко поставленное у х о; в возбужденном состоянии собака держит уши совершенно прямо, с не-

большим лишь наклоном вперед по направлению к носу.

Острая удлиненная сухая морда, если смотреть на нее в профиль, и широкая во лбу, в форме треугольника, если смотреть на нее сверху.

Пушистый длинный хвост; носится круто свернутым в кольцо на спине и несколько в сторону; реже он бывает серповидный и совсем редк—опущенный книзу, по волчьей.

Густая, прямая, средней длины грубая псовина с густым и плотным подшерстком.

Сухая, тонкая кость в ногах, сухой комок лапы, — по следу мало отличающийся от волка.

Плотное, мускулистое, несколько подобранное в паху тело.

Совершенно прямая спина, широкое, низко опущенное ребро и сильно развитая широкая грудь.

Окрас шерсти всевозможный: чисто-черный, черный с подпалинами, белый, серо-желтый, серо-черный и чисто-серый. Пестрый окрас в чистых породистых экземплярах недопустим. Распределение масти у лаек своеобразно, как и у волков. Спина всегда темней остального туловища. Голова и конечности светлей. Подпалины, за исключением подпалин над глазами, нигде не отделяются резко от основного цвета; всюду, где они имеются, т. е. на ногах, груди, хвосте и голове, они постепенно, почти незаметно сливаются с окружающим их окрасом.

Псовина распределяется таким образом, что на шее у лаек находится самый длинный, жесткий и прямой волос, образующий нечто вроде гривы или широкого, пушистого ошейника, на голове—гладко-короткая, с незначительным, сравнительно с другими местами тела, подшерстком. В месте соединения головы с шеей у всех лаек имеются густые отчесы, нечто вроде бакенбард; этими отчесами оканчивается на голове та грива или густой ошейник из псовины, которая присуща каждой лайке в большем или меньшем размере.

Разновидности первой группы. Лайки: 1) зырянская, 2) финно-корельская, 3) вогульская, 4) черемисская, 5) остяцкая и 6) тунгусская.

К этой же группе должны быть отнесены: норвежские, галицкие, вотские (или вотяцкие) лайки и, наконец, собаки сойтов и бурят. При этом, по мнению А. А. Ширинского-Шихматова, галицкие и вотяцкие лайки не представляют собою особой разновидности, а являются лишь продуктом смещений, до сих пор окончательно неустановившихся.

Средний рост всех перечисленных лаек — 60 с/м.; наиболее крупные экземпляры попадают между вогульскими, зырянскими и тунгусскими лайками.

Наиболее интересных лаек, — зырянскую и вогульскую, — А. А. Ширинский-Шихматов характеризует следующим дословным описанием.

Зырянская лайка легка, борзовита, обладает тонкой мордой и узким черепом. Ухо очень острое, стоячее, посажено близко одно от другого. Если в возбужденном состоянии у зырянской лайки произвести измерение высоты уха, затем расстояния между основанием ушей и расстояния между концами ушей, то получится следующая пропорция: 2—2, 2—4, 2—6, т. е. в концах более распущенное ухо.

Череп корельской лайки, сравнительно с зырянской, — грубый, менее рельефный, более гладкий, кость толще. Череп зырянской лайки нежнее, тоньше и уже, поверхность его изрыта многими бугорками, впадинами и полосами. Разрез глаз у зырянской лайки менее кос, чем у корельской, а самый глаз несколько меньше.

Основным, преобладающим цветом типичной зырянской лайки следует считать черный с подпалинками; корельской — серый.

Ноги зырянской лайки одеты беднее, чем корельской, — они суше и тоньше, причем коготок длиннее, чем у корельской, и вся нога прямее; грудь уже в объеме, но не спереди, где ширина не уступает корельской.

В чистых породистых экземплярах пятого пальца на задних ногах у той и другой разновидности не встречается, а если и попадаются такие экземпляры, то они являются лишь продуктом смешений.

Цвет глаз исключительно коричневый и темно-коричневый. Голос у зырянской лайки тоньше [и звучней. Характер бега и розыска тоже различается в значительной степени. Если ход зырянской лайки можно сравнить с броском и скачкой борзой, то бег корельской напоминает бег тяжелой гончей. Зрение, слух и чутье у зырянской лайки развиты лучше, но она более дика, необщительна, менее злобна и вообще не поддается дрессировке.

После вогульской лайки зырянскую нужно отнести к наиболее древней разновидности, сохранившейся чище и лучше всех остальных. Которая из первых вышеприведенных разновидностей древней, — сказать утвердительно трудно. Этот вопрос может быть удовлетворительно разрешен лишь по окончании исследования всех разновидностей лаек. Во всяком случае длинное ухо зырянской лайки (с которым может сравниться только лишь ухо вогульской лайки) дает нам возможность предположить, что родоначальницею ее была длинноухая, остроухая дикая собака. Помеси с волком допустить нельзя, так как, во-первых, ни один волк не обладает таким длинным ухом, которым обладает чистый экземпляр вогульской или зырянской лайки, а, во-вторых, и измерение зубного ряда не дает никаких указаний, благодаря которым было бы возможно допустить подобную помесь.

II ГРУППА.

Все разновидности второй группы северных собак имеют следующие характерные признаки.

Череп более мелкий, но грубый, голова еще менее круто-прилобиста, чем во всей первой группе. В висках и скулах череп развит широко. Морда в сравнении с головой несколько короче, чем у представителей пер-

вой группы и кажется несколько острее, что объясняется более высоким черепом в висках. Зубы тоньше, нежней, острее. Но с обязательно черный. Косой разрез глаз, но не столь резкий, как у первой группы. Цвет глаз обязательно коричневый или темно-коричневый. Ухо на 2—3 сантиметра короче, чем у первой группы, и конец его значительно более закруглый, поставлено оно прямо, но несколько шире, — в прямой зависимости от более широкого черепа.

Псовина гораздо гуще и длиннее. Волос тоньше, подшерсток пушистей, очень плотный и чрезвычайно нежный.

Хвост более толстый и короткий и очень богато одет, носится в большинстве случаев круто свернутым на спине. Все собаки второй группы одеты великолепно.

Кость тонкая, легкая и еще более сухая, чем в первой группе. Комок в ногах сырее и более распушен. Постанов ног широкий.

Спина с самым незначительным провесом.

Грудь низкая, глубокая, несколько бочковаты ребра.

Колодка короче, чем у собак первой группы, хотя она у всех разновидностей второй группы несколько растянута от рождения. Объясняется это тем обстоятельством, что почти на всех разновидностях второй группы производится езда. Эта тяжелая, утомительная работа, требующая большого напряжения вообще, а задних ног в особенности, дала, как признак, существующий у всех ездовых пород, эту растянутость колодки.

Количество окрасов шерсти более ограничено, чем у первой группы, причем пестрых собак не встречается вовсе, а если и встречаются, то как исключение. Преобладающие цвета: чисто белый, черный с пепельным подшертком и отливами (например, лапландские), но не с подпалинами, которых у собак второй группы нет; пепельно

серый с черным отливом, белый с желтизной, тоже темно-серый с желтизной.

Распределение псовины во второй группе ровней, так как собаки этой группы одеты сплошь богато и густо. Несмотря на это, и у них на шее рельефно обозначается грива, причем она спускается на грудь, кончаясь на голове густыми, прямыми отчесами. Благодаря пышности псовины на голове (кроме морды), ухо из-за нее кажется очень небольшим.

Разновидности II группы. Лайки:

1) лапландская, 2) самоедская и 3) якутская.

Из вышеизложенного видно, что Ширинский-Шихматов при описании лаек разделил их прежде всего на охотничьих и ездовых.

Ф. Ф. Крестников в №№ 5—6 «Уральского Охотника» за 1925 г. говорит, что «знатоки из среды уральских охотников-промышленников так понимают стандарт зверовой лайки: рост не ниже среднего; сбита крепкая колодка с хорошо опущенными ниже локотков—ребрами; сильная грудь; совершенно прямые, мускулистые, сухие ноги; лапы в комке; когти на пальцах мешанные, черные с белыми; хвост или круто загнут в кольцо, или только закинут на спину; голова сухая с широким черепом; уши предпочтительно небольшие, но и большие не бракуют; глаза круглые, отнюдь не выпуклые, темного цвета; щипец узкий; шерсть густая, грубая на ощупь, с густым подшерстком, загривина и отчесы на щеках. На масть не обращается никакого внимания, хотя некоторые промышленники избегают черных лаек, уверяя, будто-бы лоси их боятся, но это неправильно, как я в этом убедился.

«Хорошая, типичная лайка должна линять обязательно в мае, причем подшерсток обильно вылезает клочками; качество подшерстка очень высокое, и его собирают на чулки и варежки. Общее впечатление от зверовой лайки—сильного и легкого животного. Голос сильный и звонкий.

«Зверовые собаки в большинстве очень кроткого нрава. Выбирая собак, промышленник обязательно поглядит ей в рот и посмотрит рubeжи и поедники на нёбе. Это—излюбленный прием при выборе, в особенности щенков. По этой примете («профессора») определяют, пойдет ли собака за медведем, лосем или другими объектами охоты, насколько мне удалось проникнуть в смысл этой приметы, основанной на аналогии расположения небных рубцов у собаки с тем или иным зверем.

«Инородцами и промышленниками Урала ценится у зверовой лайки большое не одетое шерстью пятно под хвостом (выходное отверстие прямой кишки). Часто приходилось слышать от охотников такие фразы: «что ты, братчик, посмотри-ка, серая-то у нее какая большая,—видать, что собака добрая».

Приметы по рubeжам, поедникам и, наконец, классическую последнюю я лично считаю вздорными».

В настоящее время родина лаек, откуда можно иметь еще кровные экземпляры,—губернии Вятская, Архангельская, Олонецкая, северная часть Костромской, часть Казанской, Урал и западная и восточная Сибирь вплоть до Сахалина. Здесь, в недрах вековых лесов, у инородцев и русских можно встретить породистых лаек. Но искать их надо вдали от рек и железных дорог, так как по рекам и железным дорогам шло переселение, а с переселенцами вместе шли и различные дворняги, которые мешались с чистыми лайками,—и получились лайкообразные дворняжки. Эти лайкообразные дворняжки во многих случаях бывают прекрасными промысловыми собаками,—но вводить их в ранг породистых лаек за их полевые качества отнюдь не следует: все эти качества в потомстве от таких родителей не проявляются, а гибнут вместе с родителями.

Отчасти на основании приведенного здесь материала, а отчасти руководствуясь личным опытом и взглядами, я, не пытаясь, разумеется, устанавливать постоянный стандарт лайки,—это дело кинологических с'ездов и работ

специальной секции,—предложил бы, со своей стороны, такую характеристику лаек.

Лайки разделены на две группы, резко между собой распадающиеся: охотничьи и ездовые.

Описание охотничьего типа.

Голова. Если глядеть сверху,—клинообразная, в основании около ушей широкая, суживающаяся к носу, с хорошо выраженным лбом, но без всякого перелома, с острым щипцом, средней длины, по характеру напоминает голову волка.

Острое стоячее ухо, заостренное сверху, без малейшего намека на висловатость, с такой пропорцией, что если измерить расстояние ушей у основания, то размер в сантиметрах не должен превышать больше 2-х с/м в оконечностях ушей.

Глаз косо-разрезанный, взгляд острый; глаз не выпуклый и не медвежий, а миндалевидный, средней величины, непременно темный.

Никакого намека на брылястость. **Щипец** чистый, сухой, оканчивающийся носом черного цвета, с хорошо развитыми широкими ноздрями.

Шея средней длины, хорошо развитая.

Спина—прямая, без намека на пересележину, широкая в почках. **Почки** не вислые, а прямые.

Косое длинное плечо с хорошо снущенными ребрами, лучше за локоток; **ребро** бочковатое, **грудь** широкая и глубокая.

Ноги прямые, сухие, пазанки передних ног не поддыжваты и не в размете, пальцы лап собраны в комок, лапа следистая хорошо опушенная шерстью; задние ноги без коровины, сравнительно длинным пазанком. Лучковатость пазанков не порок, если собака не сидит на заду.

Хвост средней длины и до заднего пазанка, иногда несколько длиннее, пушистый, круто запрокинут на спину

и свален на сторону: реже бывает султаном, а еще реже по волчьим.

Окрас наиболее характерный—серый всех оттенков; черный в подпалах, причем подпалы резко выделяются только над глазами, а на остальной колодке они расплывчатые; черный с серым подшерстком; белый. Масть желтая без оттенков, как у лисенцы,—недостаток. Пегость—недостаток.

Пятый палец—нежелателен.

Одета в густую, прямую, довольно грубую псовину, с легким подшерстком; псовина распределена так: на шее муфта с баками; на голове, ногах—короткая, гладкая, атласистая; на хвосте—длинная, но без уборной псовины, а хвост одет пышно, одинаково кругом, с утолщением в середине.

Распределение окраса расположено так, что спина всегда темней, а оконечности светлей. Темный налет на щипце при светлых мастях—порок (признак посторонней примеси).

Описание ездовых лаек.

Голова—клинообразная, щипец короче, череп во лбу шире,—вследствие этого уши шире расставлены.

Ухо менее длинно и более на концах округлено, но во всяком случае никакой висловатости не допускается.

Разрез глаз менее косой, глаз средней величины, но не выпуклый, цвета—темного.

Щипец—без намека на брылястость, окончивающийся носом черного цвета.

Шея более короткая, сильно развитая.

Колодка—более растянутая, чем у охотничьей лайки.

Спина—прямая, иногда с переслегжнкой.

Грудь глубокая, ребро бочковатое и хорошо спущенное.

Плечо—косое, ноги сухи без размета и коровины, но лапа более распушена.

Хвост более короткий, густо одет, носится круто закинутым на спину.

Окрас наиболее распространенный: белый, черный, черный с светлым подшерстком и серый. Пегость—недостаток.

Разница этого типа лаек от охотничьей в их неовинности: ездовая лайка одета значительно более длинной шерстью, чем охотничья, причем шерсть этой группы лаек лежит более равномерно, но она настолько длинная, что спадает и висит длинными прядями.

III.

Содержание, воспитание и натаска лаек.

Содержание. При содержании гончих, даже хотя бы и одного смычка, охотник обязан озаботиться устройством псарни, т. е. помещения, где его гончие во все время вне охоты могли бы находиться под замком. Делается это потому, что гончие, содержащиеся на свободе, настолько неповесничают, настолько теряют дисциплину, что, как воспитанные собаки, потеряют всякую цену.

Совершенно другое положение с лайками: если охотник имеет их хотя бы и пять, то даже стольким собакам никакой псарни не требуется. Лайка—не гончая, бродяжничать она не пойдет и может жить на свободе. Правда, днем, когда ходит много посторонних людей, и если место, где держат лаек, очень населено, лучше запирает лаек, но на ночь следует вновь выпускать на свободу. Лайка отличный сторож, и если такая собака не была избалована по рукам, а выращена у одного хозяина, то к чужому она не пойдет и, как караульный, незаменима.

Если охотник содержит несколько лаек, то, конечно, все же лучше сделать какой либо закут и днем держать лаек в нем. Если это кобели, то лучше более драчливых держать по отдельности или на цепях, но если лайки выросли вместе, они будут жить миролюбиво.

Никакого особого утепления в таком закуте для лаек не требуется: лайки настолько тепло одеты, что могут спать на снегу. Достаточно в таком закуте сделать небольшой навес и туда настлать соломы,—и вот вся незатейливая постройка для лаек.

Если гончая от сидки теряет ноги, чутье и вообще работоспособность, то лайка делается совершенно дворнягой, если она не бывает в лесу, если она по месяцам, а, может, и годам, знает только свой дом. Лайка пуще, чем всякая собака, боится сидки, и только та лайка развивает свои природные способности, которая постоянно со своим хозяином бывает в лесу.

Кормить лайку можно чем угодно: остатками от стола, овсянкой с мясом и т. д.,—все будет зависеть от того, в каких условиях находится сам хозяин.

Сибиряки, уральцы и вообще все северо-восточные промышленники держат своих лаек дома впроголодь, обычно только забалтывая несколько горстей муки на холодной воде, а во время самого промысла лайки там кормятся тушками добытых зверей. Однако, правильный и лучший корм для лаек — тот же, что и для гончих: овсянка летом с кислым молоком или простоквашей, а осенью и зимой—с прибавкой в овсянку конского вареного мяса. Летом следует кормить собак два раза, а осенью и зимой только один раз. Овсянку лучше варить, так как тогда она не откисает и не оседает на дно; такая овсянка значительно питательней.

Сука лайка носит щенков, как и все собаки, от 60 до 63 дней. Приходит в пустовку через каждые 5—7 месяцев и пустует 20—21 день, причем на 7—9 день подпускает кобеля. Из того опыта, какой я имел, видно, что суки лайки обычно подпускают кобелей уже на 7 день, чего в большинстве случаев суки других пород не делают, подпуская кобелей лишь на 9—11 день.

Лайка перед самым щенением любит забраться в укромное место, чтобы ее никто не видел. Это, конечно, делают

и все вообще ценные суки, — но лайки более настойчиво, чем какая либо иная порода собак, любят скрываться, да так, что подчас и хозяин ее не найдет... Например, у меня была лайка (они у меня жили в лесных сторожках у лесников), которая не раз укрывалась во время щенения и метала щенков в лесу обычно в грудях хвороста, подбираясь под него и выкапывая там яму.

Как только щенки будут отняты от матери, их необходимо посадить на молочный корм, но еще и до этого времени их следует под матерью понемногу приучать к коровьему молоку.

Рацион кормления щенков до 3—3½ мес.: дача сначала кипяченого молока; после того, как желудок щенков привыкнет к коровьему молоку, можно перейти и на сырое, но необходимо наблюдать, нет ли у щенков поноса, что часто бывает, если молоко загрязнено. Если будет замечен понос, то дачу сырого молока немедленно прекратить и вновь начать только после прекращения поноса.

Дача корма вначале (не менее, как с месяц) 4 раза в день, а затем можно давать и 3 раза.

Надо помнить, что вырастить щенков не уродов можно только тогда, когда щенки при обильном корме имеют полную свободу двигаться, играть. Щенок, набивший желудок до степени клеща, неспособен двигаться, а тем более играть, и поэтому щенок должен быть накормлен только так, чтобы желудок его не раздувался. Для этого следует щенят кормить чаще, но понемногу.

Размер дачи корма в первом периоде жизни, примерно 1½ чайных чашки цельного молока, слегка разбавленного кипяченой водой, а если молоко снятое, то до 2-х чашек в день, с прибавлением в молоко небольшого количества вареной просеянной овсянки или толченых ржаных сухарей. Через месяц следует рацион этот изменить и давать навар конины с мелко-изкрошенным туда мясом и вареной овсяной. Можно давать также и все остатки со стола, кроме

мелких костей, чтобы щенки не подавились. Кости же крупные давать очень желательно и полезно.

Воспитание. Молодых щенков, как только они подрастут, т. е., примерно, в возрасте месяцев 4—5, необходимо посадить на мясной корм. Этот корм прекрасно действует на образование костяка. Щенки на мясе физически хорошо развиваются: пока тепло щенков необходимо кормить вареной кониной, но как только заходит зима, следует начать кормить сырой кониной. Кониину талую можно давать и мелко рубленную, и большими кусками, но мерзлую конину непременно давать большими кусками. Дело в том, что если кормить мороженым мясом и рубить его мелко, то собаки, глотая его целиком, подвергаются опасности заболеть воспалением кишек, если же мясо мороженое дается большим куском, собаки отрывают его понемногу, и мясо поступает в желудок талым.

Когда щенки подрастут, и дни зимы сократятся, давать корм можно только раз в день.

С наступлением весеннего времени, т. е. ко времени, когда лаек следует начинать водить в лес, кормить их надо опять два раза в день, — утром и вечером. Дачу мяса прекратить, а варить овсянку, прибавляя понемногу снятого молока и изредка подливать конопляного масла, из расчета по одной столовой ложке на собаку. Делается это для того, чтобы очистить кишечник; конопляное масло — хорошее слабительное.

Размеры корма на одну взрослую лайку — 1½ ф. овсянки в сутки в теплое время и 3—4 фунта конского мяса зимой.

Известный уральский охотник Ф. Ф. Крестников в своих заметках о лайках говорит, что сибиряки своих лаек почти не кормят, — в лучшем случае промышленник бросает в ведро две—три горсти муки на несколько собак.

Дмитриева—Сулдма в своей книге «Лайка и охота с ней» рекомендует ежедневно кормить лаек, а молодых выкармливать так же, как и другие породы собак.

Из своей личной практики я пришел к выводу, что обычное нормальное кормление взрослых лаек несколько не мешало развитию их рабочих способностей и увлечению охотой: с утра, слегка подкормленные, они по целым дням работали, не сбавляя страсти.

Кто хочет получить хорошо развитых, с правильным костяком собак, тот должен вплоть до момента полного развития лайки применять указанный здесь рацион кормления, и только тогда охотник будет вправе надеяться получить здоровых и сильных собак.

Натаска. Ф. Ф. Крестников совершенно справедливо пишет в своих заметках о лайке, что, чем больше она бывает в лесу, тем это для нее полезней. Пожалуй, лайка — одна из тех охотничьих собак, которая требует наибольшего применения к себе постоянных проводок по лесу. Лучше всего, например, если лайки просто живут где нибудь в лесных сторожках. Не беда, если сам лесник даже и не охотник: вначале лайка не требует никакого руководства, и совершенно достаточно, если такой лайке предоставляется полная свобода бегать, где ей угодно.

Первое время, пока лайка еще не освоилась с лесом, его шорохами, обстановкой и лесными обитателями, для нее все это ново, она сама далеко не отобьется, но по мере того, как лайка все более и более знакомится с лесом, она отрыскивает от хозяина все дальше и дальше, временно скрываясь. Смущаться этим не следует: лайка лучше, чем всякая другая собака, умеет ориентироваться и без всякого накликания найдет своего хозяина, где бы он ни находился. Вообще я должен заметить, что настолько, например, гончие при их нагонке несносны своим постоянным пропаданием, требующим постоянного держания их на слуху, вытрубливанием и т. д., — настолько же лайка не требует ни рога, ни свистка, ни забот, что она пропадет или подобьется к чужому: лайка всегда найдет своего хозяина, как только ее увлечение следом зверя или запахом птицы пропадет, и она почувствует свое одиночество.

В книге «Лайка и охота с ней» Дмитриевой-Сулимой, между прочим, говорится что «лайка сама ведет охотника». Это выражение, конечно, не совсем точно: направление, куда идет охотник для промысла, избирает, разумеется, он сам, но вот уже в выбранном им районе лайка, конечно, может избрать любую дорогу, куда поведет ее инстинкт или причуянный зверь.

Лайка—собака довольно рано развивающаяся, и уже 7-8 месяцев ее можно брать с собой в лес для натаски. Свои приемы по зверю и птице лайка и вырабатывает именно во время этих постоянных скитаний по лесу. Никаких особых приемов натаски или натравливания для лайки не имеется: охотник, найдя белку, указывает ее собаке, принимает меры, чтобы белка не зашладала,—и во время скачков белки по деревьям молодая начинает лаять на зверька. Дело охотника—застрелить белку и дать собаке ее потреть.

Так раз от раза лайка приучается искать, находить и лаять на белку, вести ее верхом, если белка пошла лесом, и вообще не бросать зверя до подхода хозяина.

Большинство охотничьих лаек—или зверовые, или промысловые, т. е., или идущие только по крупному зверю, или по мелкому зверю и птице. Универсальных лаек, которые одинаково хорошо бы шли по всякому зверю и птице,—почти нет. Обычно лайка под влиянием своих наследственных качеств и умелого постоянного вождения ее в лес на промысел избирает себе, так сказать, специальность и уже в ней и проявляет весь свой талант, данный ей природой; хозяин ее является только фактором направляющим.

Первое впечатление для каждой охотничьей породы собак имеет важное, а часто, и решающее значение, и если это первое впечатление подкрепляется реальным результатом, т. е. убоем зверя хозяином лайки, то это может оставить след на всю ее охотничью деятельность в дальнейшем.

Довольно спорный вопрос вызывает применение к лайкам наказаний за провинность.

Я не знаю мнения по этому поводу сибирских охотников, но лично я и окружающие меня охотники-промышленники избегали наказания своих лаек. Я думаю, что суровое наказание может послужить во вред. Лайка по природе очень умная собака, привязана к своему хозяину, и побоями можно только отучить ее от себя.

Есть только один зверь, по которому лайка работать совершенно не должна: это—заяц беляк. Лайка, увлекающаяся гоньбой по зайцам,—лайка порочная. В осеннюю пору в заячьих местах такая лайка все время только и будет гонять за зайцами, и с ней никакого зверя не найдешь. Поэтому следует никогда из под лаек зайцев не стрелять. Это—лучший способ отучить лайку от преследования этого зверя.

А. САРАФАНОВ.

О Х О Т А П О П Е Р У .

Охота с лайкой по перу, в отличие от зверовых охот и белкованья, не имеет промыслового значения. Основными промысловыми птицами являются рябчик, тетерев и куропатка, но как раз на эту птицу охота с лайкой почти не производится, за исключением лишь мало развцтой охоты по молодым тетеревам.

Основными объектами охоты с лайкой по перу являются глухарь и утка. А из них наиболее интересной, наиболее типичной для лайки,—собаки по преимуществу лесной,—является охота по глухарю.

Боровая охота с лайкой начинается со времени открытия летней охоты по выводкам и производится, главным образом, по глухарям и отчасти—первые 2—3 недели—по молодым тетеревам.

В это время года выводки все время проводят на полу, и поднятый выводок, как общее правило, разлетаясь, вновь падает в траву, затаиваясь очень крепко.

В тетеревином выводке старка так же, как и молодые, перемещаясь, садится на пол, а если и сядет на дерево, то снимается обычно от приближающейся собаки, совершенно не выдерживая лая. Вследствие этого, по тетеревиным выводкам наиболее типичная для лайки работа, заключающаяся в разыскивании и облаивании дичи,—почти невозможна. Посадить на дерево тетеревенка и удержать его лаем до прихода охотника лайке удастся лишь в том случае, когда выводок будет поднят собакой в редколесье, удален-

ном от травяных болот и покрытых кустарником покосов. В этом случае, подняв выводок, лайка, молча, со всех ног несется за улетающим выводком, и т. к. тетеревята в первой половине августа перемещаются не далее 100—150 шагов, лайка, работая зрением, слухом и чутьем, подоспевает к месту падения тетеревят почти одновременно с последними и, не давая им обсесться, вновь сживает их с полу.

После 2—3 попыток спастись в траве, тетереенок, отчаявшись избавиться на земле от четвероногого преследователя и утомившись непривычно долгим перелетом, ищет спасения на дереве. Посаженный на дерево, тетереенок свободно выдерживает лай собаки и подпускает охотника на верный выстрел. Этот вид охоты с лайкой по молодым тетеревам является совершенно случайным и мало добычливым. Успех охоты может быть обеспечен только в том случае, если выводок поднят в редколесьи. Близость травянистых болот и заросших кустарником покосов не дает возможности собаке проследить за полетом поднявшихся тетеревей, густая трава, кочки и кустарник, препятствуя быстрому ходу и необходимости, благодаря незнанию места посадки переместившихся тетеревов, разыскивать последних чутьем, отнимает много времени, предоставляя возможность затаившимся тетеревам отдохнуть. Поднятые второй и последующие разы тетеревята продолжают падать на землю, и все попытки лайки посадить их на дерево остаются безрезультатными.

Наиболее добычливыми охоты по тетеревам бывают с лайкой, обладающей от природы коротким и тихим поиском, или с таким подскоком, выработанным искусственно. Дело в том, что у лайки есть нечто, напоминающее стойку подружейной собаки. Зачув на земле птицу, лайка осторожно, вся выгнувшись и помахивая хвостом, тянется к птице, делая короткую остановку как бы для определения точного местонахождения птицы перед последним решительным прыжком. Вероятно, из этой, вполне естественной звериной остановки перед нападением на птицу путем долгого

ряда лет выработалась мертвая стойка над дичью подружейной собаки.

Энергичным помахиванием хвостом собаки, вдушей по свежему следу, потяжкой по причуянной дичи и короткой остановкой пользуются при охоте с лайкой по тетеревам, и, быстро подбегая к собаке, как только она обнаружит близкое присутствие птицы, следуя за ней по пятам, бьют поднимающихся из под нее тетеревей. Гарантией успеха охоты с лайкой по молодым, кроме короткого и тихого поиска, является послушание лайки, главным образом, позывистость. Совершенно необходимо, чтобы после взлета выводка и выстрела лайка не уносила за улетевшей птицей, а возвращалась на зов хозяина, т. к., увязавшись за переместившимися тетеревами, лайка разыщет их, подведет, сделает короткую остановку и поднимет, но охотнику не успеть за собакой, и вся ее работа пропадет впустую.

Я не сомневаюсь, что путем упорной работы можно добиться от лайки удлинения ее остановки перед броском на дичь, можно отучить ее совершенно гнаться за поднятой птицей, но целесообразность воспитания лайки в этом направлении остается сомнительной, т. к. промыслового охотника выводки не интересуют, крестьянин-полупромысловик занят в эту пору сенокосом, а любителю горожанину при охоте в бору и болоте по молодым лайка не даст ни стремительного поиска, ни уверенной решительной потяжки, ни мертвой стойки, составляющих основную прелесть дичей охоты по молодым.

Совершенно иначе обстоит дело с приспособлением лайки к утиной охоте, но об этом речь будет ниже. Здесь будет уместно лишь упомянуть, что лайка с коротким поиском, воспитанная для охоты с бору по выводкам, будет всегда прекрасной утиной собакой, но за то для всех остальных видов охоты с лайкой такие собаки будут непригодны, именно вследствие искусственно выработанного или от природы имеющегося короткого поиска. Если для охоты по молодым тетеревам и, как видно будет ниже, для охоты

но уткам от чайки требуется короткий поиск, то для охоты по глухарятам это условие не является обязательным. Правда, лайка, приспособленная по тетеревам, может с таким же успехом работать по молодым глухарям, но наиболее добычливый, хотя слишком вредный для охотничьего хозяйства, но, к сожалению, чаще всего практикуемый способ охоты с лайкой по глухариним выводкам совершенно отличен от охоты по тетеревам. Дело в том, что глухарка, поднятая с выводком с полу, летит недалеко и обычно садится на дерево, при чем во время полета, а часто и усевшись на дерево, квохчет, облегчая работу лайке. Подняв выводок, лайка бросается за поднимающейся всегда первой кобалухой и, слыша квохтанье и сильный шум при близкой посадке на дерево кобалухи, быстро находит старку и начинает ее облаивать. Очевидно, желая привлечь на себя внимание врага и тем сохранить жизнь своему потомству, глухарка сидит под лаем собаки в эту пору чрезвычайно крепко. Значительно меньше предосторожности, чем осенью, требуется от охотника, чтобы подойти на выстрел к облаиваемой глухарке, тем более, что глухарка не танцует от собаки, а наоборот, беспокойно поворачивается ходит по суку, иногда квохчет. Взяв старку, охотник идет в ту сторону, куда улетели глухарята, а чуткая лайка далеко впереди уже делает свое дело. Так как глухарята уже в начале августа охотнее садятся на дерево, чем молодые тетерева, и, поднятые с полу вторично, начинают искать спасенья на дереве,—хорошей лайке удастся посадить на дерево и облаивать одного—двух глухарят прежде, чем они забьются в крешь обычно близкого к месту кормежки мохового болота.

Под собакой глухарята сидят крепко, и взять облаиваемого глухаренка особого труда не представляет.

Но на этом дело не кончается. Охотник, взявший старку, делает наскоро небольшое закрытие, воткнув в землю 3—4 развесистых сучка, садится в это закрытие, взяв на сворку чайку, и, выждав $1\frac{1}{2}$ часа—час, начинает звать глухарят

голосом глухарки. При искусном подманывании скоро из болота начинают откликаться затаявшиеся глухарята, а через некоторое время приближающееся заунывное их пошепывание, келыханье травы в кромке болота и характерный шорох от бегущей быстро большой птицы позволяют охотнику заранее подготовиться к встрече коварно обманутой молодежи.

Выбрав место закрадки таким образом, чтобы от болота его разделял участок с редкой, невысокой травой, охотник бьет бегущего глухаренка как только последний будет виден.

При умении манить глухарят и соответствующем терпении охотник легко собирает весь вывод и идет на розыски другого.

Большого спортивного интереса этот вид охоты с лайкой не представляет. С точки зрения охотничьего хозяйства он также должен быть решительным образом осужден, т. к. связан с отстрелом старки, а отстрел старки влечет оставшихся в живых глухарят опытной руководительницей и подвергает их большей опасности погибнуть от хищных птиц, зверей и человека. Но, к сожалению, этот способ охоты широко развит среди деревенских охотников Урала, поголовно имеющих лаек и предпочитающих стрельбу по сидящим.

Я знал, теперь покойного, охотника дер. Балтым, находящейся в 18 верстах от Свердловска, который, имея добрую глухарятницу лайку, начиная с половины июля (в то время охота начиналась 16 июля) и до Успенья, каждую среду и субботу отправлял на городской базар от полусторых до 2-х десятков дичи, по преимуществу глухарят. Встретясь как-то с ним в лесу (я был с пойнтером), мы пошли вместе по лесной дорожке. Пойнтер искал вблизи, а его лайка, — желтая сука, немудрая на вид и с полусторячими ушами, — рыскала где-то по сторонам. Глухарка и 4 или 5 глухарят уже покоились в об'емистом мешке Ивана.

Издавека донесся звонкий лай его «Сучки» (это была кличка собаки Ивана).

— По глухарю либо копалухе звенит. Пойдем.

Я в то время не видал еще охоты с лайкой по вывочкам и, заинтересовавшись этим способом охоты, не заставил себя приглашать вторично.

Подходя на лай собаки крупным сосновым болотом, мы увидели вскоре сидящую «Сучку» с устремленной вверх острой мордой, заивавшуюся непрерывным лаем. Иван начал пробираться под прикрытием толстых стволов к месту для собаки, а я в некотором отдалении следовал за ним. Было слышно тихое, как бы предупреждающее хлопанье копалухи, а вскоре я увидел и ее, сидящую в полдерева и зорко наблюдающую за собакой.

Иван, очевидно, также увидевший глухарку, быстро перебежал несколько шагов в сторону и из за ствола крупной сосны, подойдя на выстрел, свалил старку. Собака, давнув раза два трепетавшую глухарку, исчезла в лесу правее тянувшейся перед нами полосы выгоревшего мохового болота. Вскоре через эту полосу перелетел, очевидно, поднятый лайкой глухаренок. Иван начал свистеть и кричать «Сучку», не скоро явившуюся на зов, и, взяв ее на цепь, мы вышли на горелое болото. Засев около валежины, через полчаса Иван завохтал. Надо сказать, вохтал он, подражая глухарке, с удивительным мастерством. Невозможно было подумать, не глядя на него, что эти стонущие, зовущие звуки исходят от человека.

Вскоре из болота донесся очень низкого тона свист, повторился раз три и смолк. Правее раздалась такие же звуки, а мнимая глухарка, вившись глазами в направлении ответного свиста, еще яростнее, еще нежнее манила. Свист приближался, и вдруг шагах в 40 глухаренок, уже в буром перье, выскочил на обгоревший пенек, моментально свалившись в траву от выстрела Ивана. Мне ждать надоело и я ушел, а Иван рассказывал впоследствии, что, просидев около часу, он взял, не сходя с места, еще двух глухарят.

Охота с лайкой по глухариним выводкам может продолжаться в течение всего лета, но взматеревший выводок начинает перемещаться далеко, старка не так самоотверженно привлекает на себя внимание собаки, а глухарята начинают чувствовать себя более самостоятельно и очень долго не откликаются и не идут на манку. Для охотника, интересующегося количеством добычи, — а только такого рода охотники, по преимуществу, и бьют глухарят, разыскивая с лайкой выводок, отстреливая из подлая старку и на манок собирая молодых, — охота с лайкой теряет интерес.

Быстро проходит короткое северное лето. С половины сентября начинаются заморозки, покрывая по утрам белым налетом блекнувшую отаву на скошенных покосах и опадающий березовый цвет. Лес постепенно приобретает своеобразную красоту осеннего наряда. В беспокоеное разнообразие красок наряжаются кусты, деревья и травы. Хвойные деревья теряют свежую зелень своих иголок и, как бы нахмурившись в ожидании долгой суровой зимы, темно-зеленым, а издала изеня-черным кажется молчаливый сосновый бор.

Осина и рябина, прежде чем сбросить свое скромное летнее одеяние, наряжаются в самые яркие цвета.

Точно залитые золотом, купаются в лучах уже холодного солнца поредевшие березовые роши.

Чудно в лесу осенним утром и как-то особенно, по осеннему, грустно и тихо. Большинство певчих птиц улетело. Только синицы, готовясь к долгим зимним кочеваньям, сбиваются в стайки, перепархивают с ветки на ветку, с дерева на дерево, с коротким посвистыванием, да дрозды-рябинники перелетают огромными стаями, лакомясь сочными гроздьями рябины перед долгой разлукой с родными местами гнездований.

Но вот удалились стайки синиц, разлетелись вспугнутые дрозды, и опять нерушимая тишина водворяется в лесу.

Поднимаешься на сопку тихим солнечным утром, и необычайной красоты картина осеннего пейзажа невольно

приковывает внимание, и нельзя не остановиться, не полюбоваться на окрестность.

В прозрачном горном воздухе особенно четко рисуется цель далеких гор. Темный фон преобладающего хвойного бора весь испещрен ярко-желтыми пятнами березовых сколков, и красноватой лентой обозначили рябинник и осинник низины заросших горных речек.

В эту чудную пору начинается наиболее интересная охота с лайкой по вечерним и утренним зорям на вылетающего кормиться на лиственник глухаря.

Хвоя лиственницы после первых утренников приобретает кислотоватый вкус, «закисает», как говорят охотники, и с этого времени становится излюбленной пищей глухаря.

Вылеты глухарей на лиственник начинаются на Урале обычно в 20-х числах сентября и продолжаются от 10 до 15 дней. Правда, отдельные глухаря начинают посещать лиственницу задолго до первых утренников; поздней осенью также не редкость согнать их с уже пожелтевшей лиственницы; любит и весной глухарь токовать на могучих лиственничных деревьях, окаймляющих обычно кромки обширных моховых болот; но массовый вылет глухаря на лиственник на кормежку бывает только в указанное выше время.

Первые дни закисания лиственницы на кормежку вылетают обычно вместе глухаря и глухарки. Иногда же разбившийся еще выводок целиком посещает определенную группу лиственнок. Но вскоре, после первых вылетов, глухаря обмежевываются от глухарок, и те и другие держатся обособленными стаями, обычно штук по 8—10, а иногда в местах, богатых глухарями и бедных лиственничными деревьями, небольшой склон горы, выходящий к моховому болоту и покрытый группой лиственнок, регулярно посещают два—три десятка глухарей.

Утром глухаря летят на лиственник очень рано, — обычно с первыми лучами рассвета можно слышать уже мощную посадку на дерево подлетающих на кормежку глухарей, при чем утром глухарь на лиственник всегда летит с не-

посредственного места ночевки. Мне лично никогда не приходилось наблюдать по утрам глухарей, идущих к листовянику по лом, что нередко бывает во время вечерней зари.

На листовянике глухари кормятся часом до 10 утра, а в пасмурную, сырую погоду, уже наевшись, любят просто посидеть на листовянике, и не редкость встретить глухарей на месте кормежки часов до 12 дня.

Проведя весь день в болоте, богатом в это время клюквой, к вечеру глухарь вновь посещает свои излюбленные листовянки.

Нередко приходилось слышать мне мнения охотников и встречать в литературе утверждения, что степень посещаемости глухарем листовяницы зависит от урожая ягод. В годы, якобы богатые ягодами, глухарь неохотно посещает листовянку и, наоборот, особенно усердно кормится хвоей листовяницы в случае недостаточного урожая ягод.

Это мнение я считаю совершенно неверным. Глухарь настолько любит прихваченную утренником хвою листовяницы, что даже в годы, когда все кочки мохового болота засыпаны зрелой клюквой, а в удаленных борах грозди зрелой брусники остаются не тронутыми ягодниками, он лакожится ягодой только в течение дня, утро и вечер проводя на излюбленной листовянке.

Вечерний лет глухаря на листовяник начинается около 4-х часов пополудни, при чем на листовяницы, расположенные вдали от места дневки глухаря, он летит, а если листовяницы расположены вблизи глухариной дневки, то глухарь подходит иногда к листовянице по лом и с шумом поднимается на листовянку.

На вечерних сидках на глухарей мне не раз приходилось наблюдать подходящих к месту кормежки глухарей, но особенно памятен мне один случай.

С товарищем мы выехали на глухарей верет за 40 на лошади, рассчитывая попасть к месту охоты к утренней заре, но дождь так испортил дорогу, что к заветному болоту мы

попали часам к 11 дня. Расположившись у самого болота и наскоро закусив, легли на телегу спать.

Лайку я привязал на цепь. Проснувшись часа в три, закурив и соображая, что пора уже будить товарища и трогаться в путь, я вдруг услышал сильный глухаринный взлет. Лайка рванулась на цепи, заскулила. В это время раздался второй взлет, и, повернувшись в сторону шума крыльев, я увидел глухарку в тот момент, когда она шумно уселась на лиственницу шагах в 50 от телеги. Лайка рвалась на привязи, но, очевидно, не видя птицы, не лаяла. Я осторожно вытаскивал из футляра ружье, и, пока я возился с ним, из кромки болота поднялись один за другим на ту же листвянку два глухаря и коналуха. Оказывается, весь выводок подошел к листвянке подом!

С наступлением сумерок глухари снимаются с лиственниц и улетают на ночевку в болото, размещаясь на ночлег на низкорослых густых соснах; часть глухарей ночует на сосняке в непосредственной близости от места кормежки, а некоторые остаются почевать на той листвянке, где они с вечера жировали.

В местностях, где лиственниц мало, и расположены они небольшими группами, применяется способ охоты на глухарей из шалашей, но в местностях, изобилующих лиственничными деревьями, что наиболее типично для Урала, незаменимым помощником в эту пору глухаринной охоты является хорошая лайка.

От хорошей глухарятницы требуется быстрый и широкий поиск, сильное чутье, прекрасный слух и отсутствие излишней злобности.

Если тихий и короткий поиск являются преимуществом лайки при охоте за молодыми и особенно при охоте за уткой, то для осенней глухаринной охоты такая лайка мало пригодна. Глухарь на листвянке обычно очень чуток, и собака, рыскающая вблизи охотника, будет только бросаться вслед улетающим глухарям, так как в большинстве случаев

глухарь раньше слышит и увидит охотника, чем будет найден вблизи рыскающей лайкой, — и снимается вне выстрела.

Существует мнение, что глухарь во время кормежки на лиственнике очень доверчив, но это мнение верно лишь в том отношении, что глухарь не боится лая собаки, не боится шума и стука и часто не снимается даже от выстрела. Но как только глухарь увидит человека, как общее правило, он немедленно снимается с дерева и улетает.

Гораздо легче подойти к глухарю под самую лиственницу без собаки, чем с собакой, рыскающей вблизи охотника т. к. охотник может идти бесшумно, а густая хвоя лиственницы не позволяет глухарю заметить приближающегося человека, собака же в лесу всегда производит больше шума, чем охотник, и, привлекая шумом внимание глухаря в сторону приближающегося охотника, облегчает ему возможность увидеть человека.

Хорошая глухарятница должна носиться в стороне от охотника, обыскивая полосу в направлении хода хозяина не менее одной взреты шириною, а для того, чтобы эту полосу обыскать, должна ходить не легкой трусцой, а ровным галопом.

Пожирая хвою лиственницы, глухарь отламывает своим могучим клювом сучки толщиной с карандаш и бросает их на землю. По этой «поеди» охотники определяют обычно посещаемость лиственницы глухарями для устройства засидок, по этой же поеди находит глухаря лайка, но от идеальной глухарятницы требуется работа «духового» глухаря, т. е. способность зачуйть глухаря на дереве, не нагнувшись обязательно на поедь. Таких лаек немного, как немного лаек, работающих «духовую» балку, но все же они встречаются и очень ценятся охотниками.

Мне несколько раз приходилось наблюдать работу по «духовому» глухарю лайки, с которой я три осени охотился на лиственнике.

Вот два небольших показательных примера

Заночевав в лесу версты за три от хоршего глухарьиной вылета, в кромке Ваштынского болота, я вышел к месту охоты за час до рассвета, чтобы с первыми проблесками утра быть на месте и послушать посадку глухарей. Была пасмурная, совершенно темная ночь. Лайка бежала вперед по еще заметной лесной тропинке. Пройдя с версту, я видел, как лайка заволновалась, заносилась по лесу, обнюхивая воздух, и, свернув в сосновый карандашник, вскоре азартно залаяла. Не понимая, в чем дело, и заменив на случай пулевку жаканом, я остановился ждать рассвета. Минут через сорок я услышал «скирканье» глухаря, а вскоре при начинающемся рассвете увидел и виновника тревоги, сидящего у самого ствола одинокой лиственницы.

В ту же осень я подшумел глухаря в то время, как моя лайка, обладающая чрезвычайно широким ходом, рыскала где-то вдали. Глухарь, оборвав покос, взгромоздился в средину густой лиственницы, которую я хорошо запомнил и стал скрадывать глухаря. Будучи в расстоянии 70—80 шагов от лиственницы, я видел, как с противоположной стороны мимо лиственницы легким галопом, задрав по обыкновению острую морду кверху, пробегал «Арабка». Поравнявшись с лиственницей, он остановился, раза два быстро обжег вокруг дерева, сел и уверенно залаял.

Отличное чутье является основным качеством лайки, но при осенней глухарьиной охоте существенным помощником чутью служит и чуткий слух. Почти все лайки обладают удивительно острым слухом. Этому способствует и строение наружного уха лайки, всей формой своей приспособленного ловить, как в рупор, малейший звук. Это качество лайки особенно ценно при глухарьиной охоте. Ранним утром и в начале вечернего вылета глухарей на кормежку, гораздо чаще, чем в другие часы, раздается звонкий лай собаки по глухарю, так как по шуму глухарьиной посадки лайка почти безошибочно определяет место сидки глухаря, со всех ног бросается в сторону посадки и обычно сейчас же находит птицу. Даже хруст земаемых глухарем

во время кормежки тонких сучьев не ускользает от слуха внимательной лайки. Чрезвычайно развитый слух лайки послужил причиной рассказов о легендарном ее чутье.

Кому из охотников не приходилось наблюдать, как бегущая впереди лайка вдруг останавливалась, настораживала уши и мгновенно бросалась в сторону, исчезая из вида, а через пару минут доносился лай собаки, шагов за 150—200 по белке, или за четверть версты и дальше—по глухарю. Секрет в данном случае, конечно, не в чутье, а в способности лайки улавливать звуки, совершенно недоступные человеческому уху.

Обладая широким и быстрым ходом, сильным чутьем, по возможности «духовым», и острым слухом, лайка легко разыщет жирующего глухаря, но, кроме умения разыскать птицу, лайка должна уметь и удержать ее на дереве до прихода охотника. Для этого собака не должна быть злобной на птицу.

Большинство лаек прекрасно понимают, что птица—дичь деликатная и от особенно азартного лая может бесследно улететь, поэтому, облаивая белку, скачут на дерево, грызут сучья и т. д., а, облаивая птицу, ведут себя гораздо спокойнее. Однако, попадаясь лайки, прекрасно разыскивающие глухаря, но слишком азартно его облаивающие,—при чем от этого порока обычно очень трудно собаку отучить.

Хорошая глухарятница, разыскав глухаря, никогда не бросается на дерево, а садится в некотором от него отдалении и начинает лаять.

Лайка, зачуявшая глухаря, сначала взлаивает несколько раз отрывочно, зорко всматриваясь в дерево и внимательно слушая. Обычно глухарь,—первое время невидимый лайке,—обнаруживает свое присутствие после первых звуков лая: возится на сучке, чтобы рассмотреть собаку, в такт лая помахивая хвостом, или начинает «скричать». Увидав глухаря или определив по «скричанью» место его сидки, лайка перебегает обычно к той стороне, где сидит

глухарь, и, сидя сама на месте или перебегая, непрерывно лает. По белке лай собаки обычно перемежается скулением и повизгиванием, по птице же собака лает по большей части без перерывов. Изучить голос своей собаки по птице очень важно, чтобы знать, следует ли подходить к лаю осторожно, или можно быстро спеть к месту лая, будучи уверенным, что собака облаивает белку.

В литературе иногда встречаются указания, что лайка, подлаивающая глухаря и видя приближающегося охотника, перебегает к противоположной стороне дерева, на котором сидит птица, чтобы отвлечь на себя ее внимание.

Правда, такое поведение лайки приходится наблюдать довольно часто, и не только при облаивании птицы, но и при работе по мелкому зверю. Я объясняю такое поведение лайки не сознательным желанием отвлечь внимание дичи от охотника, а просто тем обстоятельством, что собака выбирает наиболее удобное для себя положение, чтобы, облаивая дичь, в то же время наблюдать за приближающимся хозяином.

Лайка прекрасно понимает, что только близко подошедший хозяин может свалить в зубы собаки желанную добычу, с нетерпением ждет этого момента и поэтому внимательно следит за приближающимся хозяином. Если охотник подходит к облаиваемой птице сзади собаки, ей неудобно иметь наблюдение за хозяином, поэтому она и перебегает обычно на другую сторону дерева.

Выходя на глухариную охоту, следует помнить, что глухарь — птица очень крепкая на рану, в высшей степени осторожная (не даром у немцев существует поговорка, что глухарь на каждом перье имеет глаз), и стрелять его осенью на коротке не придется. Поэтому от дробовика требуется хороший бой шагов на 60, при чем стрелять глухаря следует дробью не мельче первого номера. Наиболее пригодным оружием для осенней глухаринной охоты является мелкокалиберная винтовка, а оружием идеальным, к сожа-

лению, мало доступным широкому кругу охотников, — тройник.

Тройник был совершенно незаменимым оружием при глухариной охоте на лиственнике на Урале до 1925 года, когда охота на козла разрешалась с 15 августа и продолжалась весь сентябрь (в настоящее время охота на козла разрешается с 1 октября).

Дело в том, что лайка гонит обычно козла версту — полторы, при чем гонит с легким повизгиванием. Вследствие этого, при условии широкого поиска лайки, охота по глухарям на лиственнике всегда совмещалась с охотой по козлу, т. к. нередко широко рыскающая лайка, подняв козла, нагоняла его на охотника. Мне очень часто приходилось слышать о таких случаях от охотников и в одну осень поспасливилось самому взять пару козлов из под гона лайки во время глухариных охот.

Для таких случаев тройник, заряженный картечью по козлу, шестеркой по рябчику и косачу, срывающимся вблизи от охотника, и пулей по глухарю, является оружием, во много раз увеличивающим прелесть осенней охоты с лайкой.

Если, как уже упоминалось выше, целесообразность приспособления лайки к охоте по выводкам в бору является сомнительной, т. к. для этой охоты имеются прекрасные собаки, в виде сеттеров и пойнтеров, с которыми лайка конкурировать не может, то лайке, приспособленной для охоты за уткой, принадлежит, по нашему мнению, блестящее будущее и особенно там, где при наличии утиной охоты существует охота боровая по перу и на зверя.

На Урале охотятся за уткой с пойнтерами, сеттерами и лайками. Пуделя, как охотничьей собаки, на Урале и в Сибири, не знают. Работа по утке пойнтера, сеттера и лайки по существу совершенно одинаковы, так как стойки от собаки не требуется. Утка не выдерживает стойки, а от нагоняющей ее собаки спасается вылав между коч-

нами и в густых камышах, а при особом нажиме со стороны собаки поднимается на крыло.

Наоборот, чем меньше собака задерживается на следу, чем энергичнее бросается вперед к причуянной птице, тем скорее поднимает ее на крыло и предоставляет охотнику возможность стрелять. В этом отношении, следовательно, ни сеттер, ни пойнтер никакого преимущества перед лайкой не имеют.

Преимущества же лайки в утиной охоте перед подружейными собаками весьма существенны. Достаточно вспомнить о шерстном покрове лайки, чтобы решительно предпочесть ее при охоте за уткой осенью в холодную воду. Правда, сторонники охоты за уткой с подружейными, не оспаривая факта, что осенью лайка предпочтительнее не только пойнтера, но и сеттера, указывают на то, что собака для утиной охоты нужна по преимуществу в августе, а в августовский жар густая шерсть лайки не дает возможности работать ей с такой продуктивностью, как пойнтеру или сеттеру. Но такое утверждение совершенно голословно.

Охотясь в течение ряда лет с лайкой, наблюдая на утиной охоте работу лаек товарищей, я никогда не замечал, чтобы лайка страдала от жары. Ведь, охота на утку с собакой целый день не производится. Самые жаркие часы дня всегда идут на отдых. Кроме того, собака работает все время по уши в воде, в густой траве, вследствие чего мало страдает от жары.

Но даже в августе на Урале ранним утром пойнтера чувствуют себя в воде очень плохо, а немного позднее, пожалуй, уже со второй половины августа, начинают дрожать в воде и сеттера.

В смысле нестемчивости собаки, при исключительно тяжелых условиях работы в прибережных лавдах уральских озер, за лайкой остается полное преимущество перед пойнтером и сеттером.

Помимо того, что лайка вообще более вынослива, способна к более продолжительной работе изо дня в день,

чем подружейные собаки, при работе в трясиных по осоке и водорослям лайка наиболее защищена от порезов и повреждений. В этом отношении пойнтер, вследствие короткошерстности, должен быть признан наилучшей утиной собакой, т. к., проработав день, он обычно в кровь изрезывает острой осокой чутье, подшаркивает ноги (особенно локотки передних ног) и совершенно отказывается от дальнейшей работы. Сеттер более защищен от острой растительности, но и его широкое чутье болезненно чувствует режущие края осоки, а волос его покрова слишком шелковист и нежен для густой и грубой растительности поймы. Как нельзя лучше приспособлен для работы в этих условиях шерстный покров лайки с грубой и длинной шерстью.

Итак, для того, чтобы разыскать и поднять на крыло утку, а это основная работа утиной собаки, лайка не только может заменить, но может заменить с о з н а ч и т е л ь н ы м у с п е х о м подружейных собак, тем более, что пускать за уткой хорошего пойнтера или сеттера жалко, т. к. молодых собак утиная охота портит безнадежно для охоты в бору и в болоте: только очень опытная и способная собака может крепко держать стойку после утиной охоты.

Второе условие хорошей утиной собаки—а п п о р т и р о в а н и е: розыск и подача убитой утки.

Что разыскать убитую утку лайка может с неменьшим успехом, чем подружейные, ясно из всего изложенного выше.

Что касается апортирования, то оно отнюдь не является природной способностью собаки, а результатом дрессировки, и в этом отношении лайку выдрессировать вполне можно.

Правда, лайка поддается дрессировке несколько туже, но затраченный на ее воспитание и дрессировку труд стоицей окупится безотказной работой дрессированной лайки на утиной охоте.

Как уже сказано выше, кроме апортирования, лайка, предназначенная к охоте за уткой, не должна иметь широкого поиска и должна возвращаться к хозяину по свистку. Если лайка немедленно возвращается на свист, то и широкий поиск не помеха на утиной охоте, так как сокращать его можно искусственно, каждый раз отзывая собаку, как только она ушла не в меру выстрела. Преимущества такой лайки будут заключаться в том, что, работая по утке, она будет хороша и по осеннему глухарю, и по белке, где широкий поиск является основным условием успеха.

Охота с лайкой по утке начинается с 1-го августа и продолжается до отлета.

На больших озерах, очень сильно заболоченных, с обширными и глубокими поймами, охота с лайкой мало применима, т. к. пойма не поднимает собак, а возможность ездить по всему озеру на лодке позволяет охотиться, не прибегая к услугам собаки, поднимая утку шумом приближающейся лодки. Но, в качестве апортиера, хорошо воспитанная лайка в данном случае значительно увеличит число попадающих в лодку уток.

Лучшими местами для охоты с лайкой являются берега озер и прудов, окаймленные поймой, по преимуществу неширокой, лесные речки, позволяющие проехать на лодке, и заболоченные «старицы» *) больших рек, каковых не мало на Урале, особенно по реке Чуеовой.

Охотник едет в лодке у самого края поймы, лайка же, пущенная в поиск, обыскивает полосу поймы шагов на 50 от плеса **), и поднятая собакой утка попадает под выстрел охотника. Лайка, обученная поноске, без особого приказания и в большинстве случаев очень охотно, разыскивает убитую утку, принося ее к лодке хозяина.

Если берег озера или пруда позволяет идти вешком, то практикуют охоту с лайкой без лодки, пуская собаку

*) Старые русла.

***) Незаросшая травой часть озера.

в пойму, в сторону плеса, но такой способ охоты менее удобен, т. к. ход по пойме обычно очень труден, да и утка держится, по преимуществу, в части поймы, ближайшей к плесу и, следовательно наиболее заболоченной, а, поднятая собакой, летит в сторону плеса.

Ходовые охоты по утке с лайкой практикуются с успехом по старицам.

Старица, или старое русло реки, обычно представляет из себя неширокую полосу, сплошь заболоченную, протяжением иногда несколько верст. Один берег старицы обычно высокий, совершенно сухой и очень удобен для ходьбы. Вследствие этого, охота по старицам на утку очень удобна. Охотник идет по суку, а лайка, обыскивая старицу, поднимает утку.

Но лучшими местами для охоты по утке с лайкой являются небольшие речки с заболоченными берегами. Утка гнездует охотно по таким речкам, впадающим в обширные уральские озера, и держится около мест вывода весь август.

Охотник едет по руслу речки на лодке, а лайка обыскивает берег. Обычно в речку заезжают с озера и пускают собаку по одному берегу, а, возвращаясь вниз, посылают собаку на противоположный необысканный берег.

Заканчивая описание охоты с лайкой по утке, не могу не посвятить несколько строк воспоминанию о лучшей лайке утятнице, равной которой на работе я не встречал.

В то время я имел двух чаек, прилично работающих по мелкому зверю, но не лающих по глухарю, и искал себе глухарятницу. Один из охотников порекомендовал мне лайку 3-х осеней, по его словам, идущую за глухарем, которую я вскоре и купил.

В первую же осень собака оказалась совершенно непригодной для работы по глухарю, вследствие невероятной страстности, граничащей с глупостью. Стоило ей наткнуться на глухариную поедь, даже старую, она садилась и начинала лаять, несмотря на то, что глухарь с лист-

веницы давно улетел. Гонялась с лаем по целым часам за рябчиками, с удивительным искусством разыскивая пересевших. Облавывая глухаря, с таким ожесточением бросалась на дерево, кусая и ломая сучья, что редкий глухарь отваживался усидеть до моего прихода. В дополнение ко всем этим качествам, рыскала близко от охотника с несвойственной лайке манерой—почти правильным челноком!..

После 2—3 охот я окончательно решил расстаться с этой лайкой, но как-то не подвернулся случай продать ее в течение зимы, а с весны я решил приспособить злополучную глухарятницу по утке, усердно обучая ее поноске. В воду лайка шла очень охотно, и почти без всяких усилий я научил ее вытаскивать на берег брошенный в воду предмет. На суше дело шло значительно труднее, но постепенно «Муська» усвоила полностью апортирование и через два месяца работы с ней с присущей ей страстностью бросалась за поноской и прекрасно знала свисток.

С большим волнением выезжал я в Петров день или в 909, или в 910 году, точно не помню, на Таватуйское озеро. В нову лодки сидела Муська. Подъезжаю к пойме. Направляю к берегу нос лодки, чтобы высадить собаку, боюсь, пойдет ли она в болото. Муська волнуется, видя близкий берег, встает на самый нос лодки, повизгивает и шагах в 20 от поймы вдруг прыгает далеко вперед и плывет в пойму. Еду вдоль поймы по плесу, изредка мелькает в окошке серая шерсть Муськи. Пойма тянется от воды до сухого берега шагов на 70 шириной, и видно, как старательно то в плавь, то прыгая с кочки на кочку, обшаривает Муська почти всю полосу поймы.

Минут через 20 из поймы раздалось сильное бульканье воды и повизгивание быстро спеющей к плесу Муськи, и через минуту с громким кряканьем поднялась серая, а на воду выскочили еще не летные, но крупные уже утята. После выстрела матка упала в пойму и немедленно была принесена Муськой к лодке. С этого момента в течение

3-х лет Муська была совершенно исключительной утятницей. Правда, несколько отравляло удовольствие охоты то обстоятельство, что нелетный молодняк (а его было много, т. к. охота начиналась с 29 июня) часто попадал в зубы Муське и подносился к лодке иногда совершенно невредимым, но большею частью в таком виде, что его приходилось прикалывать.

Особенно удачны бывали охоты по речкам. Муська никогда не довольствовалась одним берегом, она, переплывая часто реку, работала по обоим берегам, и, проехав речку, можно было быть совершенно уверенным, что все, что находилось в пойме, поднято собакой на крыло или выгнано на плесы русла.

При охоте с Муськой почти отсутствовала самая неприятная сторона утиной охоты—подранки. Обладая необычайной страстностью, хорошим чутьем и прекрасно аппортируя, Муська редко отпускала даже легко раненую утку. Если ей не удавалось изловить в пойме подранка, то, энергично его преследуя, она выживала его на плес под выстрел охотника.

Охотясь с Муськой (а охотился я в это время очень много, т. к. в студенческие годы лето было свободно), я никогда не видел ее израненной травой, окровавленной или утомленной. Трудно было заставить лечь Муську даже в обычные перерывы охоты, и нередко во время завтрака на лодке среди поймы приходилось бросать еду и хвататься за ружье, чтобы стрелять выгнанных из поймы неугомонной Муськой уток. На осенних перелетах, сидя на привязи в закрадке, Муська безотказно лезла в ледяную воду за убитой уткой.

Именно Муська убедила меня в том, что ни пудель, ни сеттер, ни пойнтер, ни какая-либо иная порода, а надлежаще воспитанная лайка является лучшей утиной собакой для средней и северной полосы нашего отечества.

А. САРАФАНОВ.

Б Е Л К О В А Н Ь Е.

Если при охоте по перу лайка не является по существу промысловой собакой, то при белкованьи огромное хозяйственное, промысловое значение лайки для охотничьего населения северной и средней полосы СССР играет преобладающую роль.

Из общего количества пушницы, добываемой в СССР, около 50 проц. составляет белка.

На долю белки, колонка, куницы и соболя приходится 00 проц. общей пушной заготовки СССР. А из этого количества не менее 90 проц. добывается при помощи лайки. Отсюда ясно, что для населения северной полосы СССР, имеющего основной источник существования, в виде пушного промысла, лайка имеет такое же хозяйственное значение, как рабочий скот для населения земледельческой части нашего Союза.

К сожалению, это значение лайки в хозяйственной жизни северных народностей недостаточно осознано, и, наряду с мероприятиями по улучшению животноводства в сельско-хозяйственных районах, с мероприятиями по улучшению рыбного, пушного и оленеводческого промыслов на северных окраинах, мы ничего не слышим о мероприятиях по сохранению и улучшению промысловой собаки русского севера.

А, между тем, этим вопросом заняться надо. Наш северный охотник-промысловик в вопросах кровного собаководства не искушен. Вопросы кровного разведения лайки

на севере разрешались естественным путем, пока север не подвергся колонизации, т. к., кроме хороших промысловых лаек, на севере собак не существовало, и даже без наблюдения охотника и при отсутствии правильных вязок все же примеси посторонней крови лайка не знала.

С колонизацией севера в погоне за пушниной туда проникли всевозможные ублюдки собачьей породы, и кровность, а следовательно, и охотничьи качества лаек нашего севера в настоящее время регрессируют заметным образом. Наряду с понижением охотничьих качеств лаек, засорение их крови пришлыми ублюдками решительным образом отразилось на выносливости лаек в борьбе с суровыми условиями северного климата и на стойкости ее организма против заболеваний.

Эпидемия чумы, опустошившая ряды промысловых собак Чердынского севера Урала, наблюдавшаяся три года тому назад, была обязана не в малой степени именно привозным собакам охотников, двинувшихся на север, вследствие хорошего выхода там белки в предыдущую осень.

Перед охотничьей кооперацией, наряду с важнейшими задачами по восстановлению охотничьего хозяйства, стоит также и задача сохранения кровной лайки путем организации выставок и испытаний лаек, поощрения охотников-владельцев лучших лаек ценными призами и популяризацией среди промыслового охотничьего населения идеи кровного охотничьего собаководства.

* * *

Белкованье открывается поздней осенью и продолжается всю зиму, прекращаясь ранней весной, когда белка начинает ливять.

На Урале охота на белку начинается 1-го ноября и заканчивается в округах среднего Урала 1-го марта, а на Тобольском севере—15 марта.

Лучшее время для белкованья—поздняя осень и начало зимы. Пока не ударят большие морозы, и не оглубеет снег,—

белка большую часть дня проводит на жировке, часто спускается на землю и, оставляя много следу, облегчает работу собаке. Поздний выпад снега и глубокий снежный покров начала зимы являются основным условием успешного белкованья, облегчая ход охотника и собаки. С углублением снежного покрова и наступлением морозов белкованье становится почти невозможным. Снежный покров страшно затрудняет ход охотника и особенно собаки. Белка в сильные морозы забивается в гайно и сидит там, редко выходя для жировки, к тому же собака в мороз чует значительно хуже. Вследствие этого, к Рождеству белкованье обычно прекращается, и промысловые охотники севера к этому времени возвращаются с основных промыслов домой, продолжая промышлять вблизи деревень кувиду, колонка, горноста и лисицу, а полупромысловики и любители вешают ружье на стену до короткого периода белкованья ранней весной.

В феврале снежный покров уплотняется, облегчая охотнику ходьбу на лыжах, а белка в мягкую погоду покидает теплое гайно и начинает шире рыскать по лесу в поисках пищи. В промысловых районах охотники к этому времени вновь выходят на белкованье. Весеннее белкованье не так добычливо, как осеннее. Период весеннего белкованья короткий, занимая от 3 до 4 недель.

Глубокий снег не позволяет широко ходить собаке, и для того, чтобы облегчить ей работу, охотник прокладывает в районе своих охот лыжницы, по которым рыскает лайка, перехватывая след жирующей белки.

Весеннее белкованье прекращается на среднем Урале — 1-го, а на Тобольском севере — 15 марта, т. к. к этому времени белка начинает гоняться и линять.

Самый способ охоты на белку чрезвычайно несложен. Кроме выносливости и знания мест, от охотника особых качеств не требуется, а основная роль при белкованьи принадлежит лайке. Но, в сущности, осенний пушной промысел и короткий весенний выход на белковье носят назва-

ние белкованья только потому, что, как по количеству добытого зверя, так и по ценности шкурок, главным объектом промысла в эту пору является белка. Однако, в период белкованья добывается также куница, колонок и горностаи. Большая часть медведей бьется промысловыми охотниками также в период белкованья, т. к. специального медвежьего промысла не существует, а мясо лоса, глухаря и рябчика является обычным блюдом промысловой избушки.

Поэтому период белкованья с таким нетерпением ожидается промысловым охотничьим населением, и именно вследствие разнообразных объектов охоты при основной охоте по белке, белкованье имеет и глубокий спортивный интерес.

Это разнообразие объектов охоты требует и от охотника, кроме выносливости, много опыта и знаний. Не трудно подойти к облаянной белке и убить ее, — но скрасть остановленного лайками лоса, по кухне *) и следу догнать куницу, выжить из под корней кедра колонка, а нередко и вступить в единоборство с подвзятыми собаками из берлога косматым хозяином северных лесов — для этого одной выносливости мало. Тут нужно знание дела, опыт и смелка.

Если успех белкованья до известной степени зависит от тичных качеств охотника, то все же решающая роль при белкованьи остается за лайкой. И нигде как при белкованьи, не обладуживает лайка всего разоборазия своих охотничьих качеств.

Промысловый охотник редко отправляется на белкованье с одной собакой. Обыкновенно на белкованье идут 2—3 собаки, а с молодыми и взятymi для пробы — нередко до 5 собак сопровождают охотника на промысел. На белкованья испытываются молодые лайки, и показавшие

*) Упавший с веток снег от прыжков куницы.

хорошие качества участвуют в охоте, а непрямые тут же получают заряд за свою бездарность.

Хорошая белочница должна обладать теми же качествами, что и хорошая лайка глухарятница,—широким и энергичным поиском, острым чутьем,—желательно верхним, «духовым»,—и хорошим слухом. Излишняя злобность лайки не мешает успеху белкованья.

С осени обычно каждая лайка хорошо работает по белке, т. к. белка, как уже сказано выше, большую часть дня проводит на полу. Взяв свежий след белки, лайка быстро спешит по следу, пока услышавшая приближение собаки белка не раскочит на дерево. Заслышав шорох взбирающейся на дерево белки и ее «цоканье» или определив чутьем, что запах следа белки, прекратясь на земле, перешел на ствол дерева, лайка садится и начинает лаять.

Но с наступлением холодов и выпадением снега, когда белка реже начинает спускаться на землю, сразу выделяются среди остальных собак лайки, работающие «духовую» белку, и количество найденных за день белок лайкой, работающей преимущественно по следу или поеди, резко сокращается.

Лайку, работающую «духовую» белку, можно отличить и по манере поиска. Рысая по лесу, она обычно высоко несет голову, утыкая чутье в землю только на свежем следу зверя, тогда как собака, не работающая верхним чутьем, все время обнюхивает снег или землю в надежде найти свежий след или поедь.

Лайка ищет белку, главным образом, чутьем по следу, поеди (шелуха шишек) и «духовую», но острый слух лайки так же облегчает ее работу. Белка—зверек чрезвычайно подвижный. Пока не чувствует опасность, она все время в движении. Вспугнутая с земли и забираясь на дерево, белка сердито «цокает». Шорох, произведенный прыжками белки, ее цоканье и шелест падающей поеди немедленно привлекают внимание лайки и обнаруживают присутствие белки.

Найдя белку, лайка облаивает ее обычно с большой злобностью. Лай сопровождается повизгиваньем и скулежьем, при чем собака часто подбегает к дереву, царапает его передними ногами, грызет сучья, скачет на ствол и так далее. Мне часто приходилось слышать объяснение такому поведению лайки в том, что, неуверенная в месте пребывания белки, она кугает ее, хочет заставить пошевелиться и обнаружить себя. До известной степени такое объяснение может быть и правдоподобно. Во всяком случае во время белкованья мне лично часто приходилось наблюдать, как внимательно смотрит лайка вверх, обнюхивая и царапая дерево, прежде чем начать уверенный лай.

Найденная и облаивная собакой белка в большинстве случаев становится добычей охотника. Правда, иногда белка старается спастись от собаки, идя верхом, но такой маневр редко спасает белку, т. к. от внимательной лайки не ускользает малейшее ее движение. Чаще белка затаивается и сидит под лаем неподвижно. Обнаружить затаившуюся белку подошедшему охотнику, особенно в густом ельнике или кедровнике, не легко. Замечено, что с осени белка таится меньше, но, чем глубже зима, тем осторожнее становится белка и, забываясь от лая собак в самые густые ветви, иногда в дупла деревьев, крайне неохотно обнаруживает охотнику свое присутствие.

Чтобы заставить белку шевельнуться или прыгнуть, применяют чаще всего два способа. Охотник носит с собой хлыст такой, какой употребляют обычно пастухи, — на короткой рукоятке укреплена длинная плетеная веревка, суживающаяся к концу и заканчивающаяся волосяным жгутом. При ударе таким жгутом получается хлопок на подобие выстрела. Вооруженный хлыстом охотник ходит вокруг дерева, на котором затаилась белка, и хлопками пугает ее. Не всегда удается белку заставить прыгнуть от хлопка на соседнее дерево, — иногда белка только вздрагивает, но и этого бывает достаточно, чтобы обнаружить ее присутствие и убить.

Другой способ заставить затаившуюся белку обнаружить свое присутствие состоит в следующем. Охотник вырубает слегу вершка $1\frac{1}{2}$ в диаметре и аршина 4 длиной. Ставит эту слегу плотно вдоль ствола дерева, на котором затаилась белка, и, отводя верхний конец в сторону, с силой ударяет им по стволу. От удара и легкого сотрясения дерева белка пугается и прыгает, обычно, на соседнее дерево.

Бьют белку из мелкокалиберных дробовиков. Большинство промышленников Урала охотятся с берданками и шомполками 24, 28 и 32 калибра. Стрельба белки малопульными винтовками, широко практикуемая сибирскими промышленниками, но на Урале не распространена.

* * *

Как уже сказано выше, во время белкованья добываются соболь, куница, колонок и горностай, при чем при охоте на них, особенно при добыче соболя и куницы, решающая роль принадлежит также лайке.

Работа лайки по соболю и кунице существенно отличается от работы по белке, и далеко не все хорошие белочницы работают по соболю и кунице с таким же успехом, как по белке. Белка редко старается спастись от собаки бегством и, найденная на жировке, затаивается обычно на ближайшей лесине. Кроме того, район жировки белки невелик, — шишки хвойных деревьев в изобилии имеются вблизи постоянного места жительства белки, — и наткнувшаяся на след или на поедь белки собака быстро отыскивает зверя.

Совершенно иначе ведут себя соболь и куница, особенно соболь.

Питаясь, по преимуществу, мясом, соболь в поисках пищи рыскает очень широко, при чем ходит частью полом, часть верхом. Вследствие этого, разыскав даже свежий след соболя, лайке трудно найти зверя. Кроме того, слы-

шав погоню собаки, соболь не затаивается, подобно белке, на первом попавшемся дереве, а пускается в бегство, причем идет полом громадными прыжками, иногда поднимаясь на деревья. Спасаясь от собаки, соболь старается бежать наиболее крепкими местами; каменные россыпи, вал ежик и густой кустарник—излюбленные места хода соболя от преследования, и именно в таких крепких местах собака легче всего может стерять след соболя. Иногда соболь идет от собаки безостановочно десять и более верст, и только лайке, облалающей выдающимися охотничьими качествами, удается при таких обстоятельствах догнать затаившегося соболя и удержать его лаем до прихода охотника.

Требуется чрезвычайная внимательность лайки, облаивающей остановившегося соболя, так как, заслыша приближение охотника, соболь вновь пытается спастись бегством и, если ему удастся спуститься на землю в местности, неудобной для преследования его собакой (каменные россыпи, густой вал ежик и т. д.), то драгоценная добыча может навсегда ускользнуть из рук охотника.

Я помню случай, когда после долгого преследования, — лайки удержали соболя на густом кедре. Когда мы с товарищем подходили к месту лая собак уже сильно смеркалось, и, несмотря на то, что мы ясно слышали урчанье соболя, раздающееся с кедра, разглядеть его мы не могли. Не желая уходить от ценной добычи, мы решили ночевать под кедром, а чтобы предупредить возможность соболю спуститься на землю, поддерживали большой костер. Собаки все время лаяли на кедр, с которого по временам раздавалось сердитое урчанье. Наконец, они утомились и лишь сидели под кедром, не спуская с него глаз, и повизгивали. Мы не спали.

Вдруг среди ночи собаки кинулись с лаем прочь от кедра, и, азартно лая, начали удаляться по густому ельнику. Сначала лай удалялся медленно, но вскоре собаки пошли полным ходом и сошли со слуха.

Часа через три обе собаки вернулись к костру. Все наши попытки разыскать соболя на другой день успехом не увенчались. Очевидно, ночью соболь пошел от собак сначала верхом, а потом спустился и полом по валежнику, которого было более чем достаточно в том месте, навсегда скрылся от своих преследователей.

Хороших соболятиц немного, и там, где водятся соболя, они ценятся охотниками очень высоко.

Работа лайки по кунице легче, чем работа по соболу, так как куница не так хитра и проворна, как соболь, и от преследующей собаки бежит не так далеко. Но разыскать куницу нелегко, особенно в годы хилого урожая рябины. Куница любит кормиться рябиной, и, когда много этого корма, она редко спускается на землю, ходит мало, а, наевшись, лежит в дупле. В такие годы охота за куницей наименее добычлива, и только исключительно чуткая собака, работающая «духового» зверя, способна разыскать куницу.

Колонки и горностаи, затаиваясь на день в норах под корнями деревьев, выслеживаются охотниками по следу и добываются большей частью без помощи собаки всевозможными ловушками и выкапыванием и выкурыванием из нор. Но во время белкованья немалую роль в отыскании нор колонок и горностаев играет собака.

Розыскав нору колонка, лайка с лаем начинает рыть землю, перегрызая корни. Если нора достаточно обширна, что часто случается под корнями старых кедров и елей, собака залезает в нору и выгоняет колонка. Выскочив из норы, колонка забирается на ближайшее дерево, затаивается на нем и облаивается собакой до прихода охотника.

Такова многообразная роль лайки при охоте по перу и за мелким пушным зверем, не говоря об ее исключительных качествах при охоте по медведю и лосю, о которых мы не упоминаем, так как этому вопросу посвящены в настоящем сборнике самостоятельные очерки.

ГЕОРГИЙ ДЕМИДОВ.

О РАБОТЕ ЛАЙКИ ПО МЕДВЕДЮ.

Говоря о работе лайки-медвежатницы, я не могу удержаться, чтобы не поделиться с товарищами-охотниками несколькими общими мыслями, которые тесно связаны с целым рядом вопросов поднятия охотничьего хозяйства, в котором северная собака-лайка играет столь крупную, ответственную роль вообще и в деле же борьбы с хищником—в частности.

Поднятие на должную высоту и правильная организация охотничьего хозяйства совершенно немислимы без включения в общий план работ энергичной борьбы с хищниками, которые особенно размножились за период империалистической и гражданской войн.

Главное внимание в центральной и южной частях нашего Союза республик, конечно, должно быть направлено на истребление волка, а на Севере, в лесной зоне,—центр тяжести борьбы, без сомнения, должен быть перенесен на борьбу с медведем. Медведь является в ередней и северной зонах нашего Союза наиболее крупным хищником, и его вредная разрушительная деятельность очень тяжело отзывается на крестьянском хозяйстве как в области агрикультуры, пчеловодства и скотоводства, так и в области охотничьего промысла.

В первый период организации охотничьего дела, как органы Наркомзема, так и охотничьи объединения, не оценивали степень вредного влияния медведя. На самом деле такая линия была ошибочна, и только за последние

2—3 года к оценке «деятельности» медведя стали относиться более серьезно и более правильно.

Если только повнимательнее приглядываться к корреспонденциям охотников из северных лесных районов, то с полной очевидностью встанет пред умственным взором та суровая картина, создателем которой является медведь.

Из имеющихся у меня сравнительно многих писем от промышленников Севера видно, что медведь «давит» в одной деревне 10, в другой 15, в третьей 18 коров, лошадей и т. д.

Сравнительно редко медведь нападает на овец, но здесь жертвы бывают обычно сразу многочисленны, так как испуганные овцы не бегут и лишь кидаются из стороны в сторону на одном месте, не убегая от зверя.

Серьезно поставленная, обстоятельная борьба с медведем обязательно должна вестись с помощью лайки, этой поистине кормилицы трудового охотничьего Севера. Большинство охот всякого рода успешно завершаются вообще лишь при помощи тех или иных собак, но по отношению к лайке, при охотах на медведя, это следует подчеркнуть с особой отчетливостью.

Наши промышленники севера уже давно начали борьбу с медвежьим засильем, но надо сказать, что эта борьба идет далеко не везде достаточно энергично, и до полного успеха еще далеко. Это объясняется отчасти тем, что действительно хороших медвежатниц очень мало, скажу даже, — они составляют большую редкость; кроме того, зрелых охотников поубавилось а новые кадры зверовщиков формируются из молодежи, которой сплошь и рядом негде почерпнуть знаний и опыта.

Я буду вполне удовлетворен и считать свою цель достигнутой, если моя статья хотя отчасти даст первоначальные сведения о работе лайки-медвежатницы и пробудит интерес к серьезной, деловой охоте на медведя.

Прежде всего необходимо остановиться на тех требованиях, которые предъявляются к лайке на медвежьих охотах.

Что нужно от лайки?

Сущность ее работы можно свести к трем основным положениям:

- 1) собаки должны найти берлогу,
- 2) собаки должны догнать уходящего зверя по следу и остановить его хватками,
- 3) собаки должны найти раненого зверя по кровяному следу, 4) собаки, остановив зверя, должны своим лаем указать охотнику местонахождение зверя.

Исходя из этих основных работ лайки-медвежатницы, вытекают и те требования, которые к ней предъявляются. Лайка-медвежатница должна быть весьма чутыста, обладать большой злобой, вязкостью, широким понесом, смелостью и увертливостью; она также должна обладать хорошим, звучным, «проносным», как говорят в некоторых местах промышленники, голосом. Сила, выносливость и большой рост, хотя и не являются вполне обязательными качествами, но следует сказать, что они весьма и весьма желательны, а в некоторых случаях (при глубоком снеге зимой) и необходимыми.

Вот в сущности и все требования, которые предъявляются к лайке-медвежатнице.

Определив, так сказать, схематически основные свойства, которые мы желаем видеть в лайке-медвежатнице в основе, я постараюсь изложить те особенности в работе лайки, которые вытекают из различных условий при разных способах охоты.

Начнем с зимы. Где искать медведя зимой? Известно, — в берлоге. И вот, наша задача — найти берлогу, конечно с помощью лайки.

Для отыскания берлог существует 3 способа: способ подучить, едва выпадет снег, следы зверя при помощи надали, способ пересечения местности лыжными ходами

и способ найти медведя по первому неожиданно рыскавшему снегу. Обычно специально берлог никто не ищет, но все же иногда, при благоприятных условиях, этим занимаются, особенно если к этому имеется горячая страсть.

Оставляя пока первый и третий способы, остановимся сначала на втором, который заключается в том, что местность, где ожидается берлога, перерезывается сплошь лыжными ходами. Ходы эти, в зависимости от плотности (густоты) леса, колеблются в числе от 10 и до 50.

Местность покрытая сплошь, без пропусков лыжниками охотника, идущего в сопровождении лаек, может считаться вполне обысканной. Ход, конечно, не обязателен на лыжах, можно идти и без них,—но обычно к этому способу прибегают уже глубокой зимой, когда без лыж не обойдешься, да и ход на них менее шумный, и зверь лежит крепче, чем ближе к середине зимы. Лайки, которые, разумеется, способствуют при этих поисках, должны быть более или менее крупными (50-60 сантим.) так как обычно искать приходится по рыхлому и довольно глубокому снегу. Маленькая лайка немедленно выбьется из сил и пойдет по лыжнице, да еще и на лыжи к вам непрестанно будет заскакивать. Затем лайка должна быть сильна и вынослива, так как, чтобы обыскать один только квартал лесной дачи (2 верст. \times 2 верст.) охотнику нужно исходить от 50 до 100 верст, (дня в 3) обычно по ельнику с его типичным буреломом и валежем. Собака же, при среднем поиске, должна пройти расстояние в 3-4 раза больше, чем это сделает охотник.

Но самые главные качества, которыми должна обладать лайка для успешного нахождения берлоги, — это сильное чутье и умеренная злобность.

Сильное чутье—вещь хорошая и при каждой охоте, конечно, желательная, но при отыскании берлоги—положительно необходимая. Как это ни странно, но такой большой зверь, как медведь, находясь в берлоге глубокой зимой, будучи сильно занесен снегом, дает слабую эман-

цию (струю запаха). Пока это мое личное заключение, но я надеюсь, что опытные медвежатники, восстановив в своей памяти все случаи из своей практики, согласятся со мной. Я склонен объяснять слабость запаха, исходящего от берлоги (глубокой зимой), с одной стороны, тем, что все жизненные процессы (пищеварение, обмен веществ в организме) зверя до крайности ослаблены, а, с другой, хорошая укупорка задерживает выход эманации. Также можно предположить, что в глухих местах, — а берлоги обычно и находятся в таковых, — ветра почти не бывает, и все запахи не стелются по поверхности земли, а идут сразу вверх. Так или иначе, а у меня составилось убеждение, что глубокой зимой берлогу, занесенную снегом, может обнаружить собака только с очень хорошим чутьем.

Почти всякая лайка, нашедшая берлогу, начнет лаять. И вот здесь-то и скажется характер лайки, степень ее злобы и вязкости.

Здесь мы встретимся с противоречием: лайка, которая вообще хороша на медведя, неудобна (нехороша) для отыскания берлоги; наоборот, лайка, плохая, вообще медвежатница, — будет хороша при отыскании берлоги.

Сущность дела заключается в следующем. Обычно при поисках берлоги не стремятся сразу же начать охоту и убить зверя, а стараются, найдя берлогу, самую охоту организовать позднее, артельно и при надлежащей подготовке. Таким образом, чрезвычайно важно, найдя берлогу и определив точно ее положение, конструкцию и самое чело (выход), уйти, отозвать собаку, не стронув, конечно, зверя с лежки. Чрезмерно злобные вязкие лайки не дадут этого сделать; их не отозвать никак и ничем. Они, не обращая внимания на хозяина, будут лаять в чело и во все отверстия, если таковые у берлоги окажутся, будут рыть лапами снег, оттаптывать его, грызть корни, кидаться в чело и даже

в самую берлогу, если только она достаточно просторна. Словом, хорошие медвежатницы лайки сделают все, чтобы вызвать на бой зверя, поднять его на верх из берлоги и так или иначе его стронуть.

И только при исключительных, сравнительно редких условиях зверь улежит. Это тогда, когда в берлоге окажется медведица с медвежатами. Зверь прекрасно учитывает, что зимой в лесу при глубоком снеге с медвежатами идти некуда, и только самая крайняя необходимость может заставить его покинуть берлогу. Вот такая-то семья и лежит всегда до последней крайности.

Из только что приведенного описания видно, что для успешного отыскания берлог нужна исключительно чуткая, не злобая лайка с достаточно широким и равномерным поиском. По существу такая лайка хороша только для отыскания берлоги, как медвежатница же она — очень плоха. Лаяк, работающих именно так, очень много, и если бы промышленники были материально заинтересованы в нахождении берлог более, чем они сейчас в этом заинтересованы, то несомненно большинство их собак для указанной цели были бы вполне пригодны.

Первый же и последний способы розысков берлог, при которых имеется чуть ли не печатный след, почти не требуют участия собак. Скажу даже более: — злобные и напористые собаки скорее могут стронуть зверя, который лежит в начале зимы еще очень не крепко. И лишь при тающем снеге, когда след начинает исчезать, собаки нужны. Но и здесь собаки нужны опять таки очень мягкие, не злобные, которые бы не стронули зверя, а лишь показали его лежку (берлогу). При отзыве хозяином собаки должны легко отзываться (отходить от берлоги и ловиться на сворки). Голоса желательны не резкие, глуховатые.

Вот в сущности какова будет наилучшая работа лаек при отыскании берлоги. Злобные же, напористые и вязкие собаки, стронув зверя, конечно, рано или поздно его остановят и дадут возможность охотнику дойти до зверя и бить его, но такое сочетание нахождения берлоги и немедленного финала охоты далеко не всегда удобно и желательно: как я уже упоминал, поиски берлоги идут предварительно, в одиночку, брать же берлогу обычно удобнее и безопаснее в компании и при серьезной подготовке.

Среди лаек нередко можно встретить и таких, которые не только не злобны к медведю, но даже и боятся его панически. Такие собаки, конечно, никогда охотнику не облают берлоги, и с ними почти невозможно ее найти. Разве только тогда, когда на глазах охотника такая собака вполтную случайно подойдет к берлоге и своим внезапным испугом, так сказать, «отрицательным показанием», подскажет наблюдательному охотнику о присутствии зверя.

* * *

Теперь о работе лайки при самой охоте на берлоге. Как известно, при охоте на берлоге, задача охотников сводится к тому, чтобы заставить зверя подняться и выйти наружу, а уже здесь на коротке, бить его. Вот простая, краткая схема берложной охоты.

Казалось бы и работа собаки сводится к немногому, т. е. —выгнать из берлоги медведя громким лаем и энергичными бросками к челу берлоги, а иногда (при достаточно обширной берлоге) и в самую берлогу, что делают только самые смелые и злобные лайки. Само собой разумеется, что этот прием весьма опасен для собаки. Малейшая неосторожность, недостаточно проявленная увертливость—и собака погибла... Мне лично несколько раз приходилось видеть гибель собак при подобного рода приемах.

На самом же деле, однако, охота нередко осложняется неожиданными изменениями обстановки, и тогда собака должна проявить и злобу, и вязкость. Так, например, случается при верховой (не грунтовой) берлоге, что зверь выскочит сзади берлоги, вне поля зрения охотников, что особенно часто бывает в глухих, буреломных лесах. Естественно, что зверь будет стремиться уйти от охотников. Вот в таких-то случаях злобные, смелые, приемистые собаки и нужны. Здесь уже недостаточно одного злобного, громкого лая. Здесь нужен молодецкий наскок, сильная хватка за гачи до боли, до мяса, до крови! Робкие же хватки, лишь за шерстку, обычно не достигают цели, и зверь далеко уходит.

Обычная картина работы лаек на берлоге такова. Собака, одна или несколько, подходит к челу и, принявшись, начинают сначала редко и неуверенно лаять в чело или другое какое либо отверстие («продух»). Затем, окончательно убедившись, причуввав вполне зверя, собаки начинают постепенно оживать, лаять дружнее и все более и более озлобляться. Наиболее напористые начинают совать морду в чело, разгребать лапами снег и грызть корни, если таковые есть у чела и мешают собаке.

Нередко одна из собак, розыскав где-либо сбоку или сзади «продух» между корнями или валежником, избирает себе свою особую позицию и оттуда ведет самостоятельную атаку.

Так продолжается обычно не долго. Медведь, убедившись, что назойливые враги пришли к нему «всерьез и надолго», и что ему не отлежаться просто (так сказать не «отмолчаться»), начинает «порюхивать», «пышкать» и временами глухой октавой ворчать. Эти первые протесты зверя обычно только усиливают оживленную картину нападающих собак, они начинают энергичнее и злобнее наскакивать и лаять со всех сторон, а зверь, в свою очередь (бывает слышно), начинает ворочаться в берлоге,

набрасываться к отверстиям и стараться лапой словить более напористых собак. Так же, как и при всякой другой охоте, а при этой в особенности, следует с собаками снимать ошейники: медведь молниеносными ударами передних лап старается зацепить ближайшую к отверстию собаку, и собака неминуемо гибнет, если ошейник зацепится за корни у выскири*), или медведь захватит его когтями.

В моей практике дважды медведь подтягивал к себе собаку, захвативши когтем даже за челюсть собаки.

Затем после этого интересного турнира картина принимает еще более энергичный, быстрый темп. После нескольких бросков к челу медведь, наконец, пулей вылетает из берлоги, обычно за той собакой, которая ему наиболее надоеда. В первый момент собаки разлетаются, как бы желая дать зверю дорогу; это и понятно, — никогда лайка на свободного зверя с переца, так сказать, с фронта не бросится. Это не меделян и не бульдог, у которых была манера биться со зверем «в рукопашную», — вцепляясь зверю или в загривок, или в шею или в ухо. Лайка, отскакивая от медведя в сторону, только желает переменить временно позицию, и в следующий момент ее цель рвануть сзади. Хорошие, приемистые и опытные лайки дают хватки сзади, за гачи и как бы чередуясь бросками.

Едва медведь, как пружина повернется назад в ответ на хватку; лайка легким прыжком отлетает в сторону; зад медведя, повернутый таким образом несколько в сторону, подвергается хватке другой лайки; дальше «карусель» идет таким же порядком, особенно если злобных, приемистых лаек две—три. Зверь, получивши две—три хороших хватки, начинает беречь свой зад, вскакивает на задние лапы, и бой тогда идет некоторое время

*) Вывороченные корни дерева, вставшие в форме щита.

на одном месте. Затем, если продолжают рвать его, то зверь стремится закрыть свой тыл чемнибудь,—кондой, выскирем или камнем. Защитив таким образом зад, медведь начинает уже воевать с собаками с фронта и с флангов.

Собаки на небольшом расстоянии, аршина на 2-4, лают, стремятся рвануться с боку, но уже при новой позиции им почти не удается дать хватки хорошему бойкому зверю.

Это в сущности и есть „останов“ зверя, т.-е. то, что и нужно охотнику.

Чем собаки более злобные, чем у них лучше и смелее прием, чем крепче хватки, тем скорее зверь будет остановлен. Хорошие лайки-медвежатницы, при насте или при плотном утоптанном снеге, что часто и бывает у берлоги (перед выходом зверя часто приходится и людям, и собакам снег так утоптать, что собаки держатся на нем хорошо, не проваливаясь), быстро ставят зверя или прижимая его к выскири, или устраивая с медведем такую „карусель“, что в ней трудно что либо разобрать, и только потом, после окончания охоты, охотники вспоминают отдельные детали дикой, ни с чем несравнимой схватки.

Тут очень важно бывает проследить поведение и работу отдельных собак, что обычно не легко, так как внимание охотника сосредоточено на звере. Ведь, тут важно не упустить момент, когда надо посадить пулю в зверя, и посадить точно, не зацепив при этом собак, что иногда всетаки случается. Убить собаку очень легко, особенно если охотник молод, горяч или видит эту „крутель“ в первый раз. И неудивительно: картина по своей экспрессии, динамичности и ни с чем не сравнимой дикой грации животных, борющихся не на живот, а на смерть,—поистине исключительна!

Кто из охотников не видел подобной работы лаек в лесу, в подлинной, дикой обстановке, тому я советовал

бы непременно попасть на такую охоту и полюбоваться. Только тут, в этой работе, вполне понимаешь суть работы наших лаек и их подчас драгоценную помощь.

Но при худых, неприемистых собаках обстановка может резко измениться. Медведь, раненый или нераненый, оторвавшись от берлоги, если не бросится на охотников, то непременно пойдет на уход. Здесь охота переходит в новую фазу, и уже получается как бы совсем новая охота: охота на берлоге как бы не состоялась, а медведь, уходя от берлоги, становится зверем гонным и охота уже делается охотой не на берложного, а на гонного медведя.

Работа лаек, их приемы и требования к собакам уже встают перед нами в несколько иных, измененных условиях.

* * *

Гонным называется всякий медведь, который, будучи преследуем, уходит от охотников, стараясь скрыться. Охота на гонного зверя возможна весной («по пластам»), по молодой, мягкой траве, осенью по чернотропу, зимой по мелкому и глубокому снегу и, наконец, весной по насту.

Попытаемся рассмотреть обстановку и условия работы лаек при всех упомянутых различных обстановках.

Принцип, так сказать, или способ работы лаек, конечно, будет один и тот же при всех этих обстоятельствах, а именно: лайки, будучи поставленными на след или разыскавши его самостоятельно, догоняют медведя, нападают на него и хватками останавливают на одном месте. В случае неудачи, повторными нападениями и хватками лайки все же задерживают зверя. Охотник по лаю узнает об остановленном звере, спешит на лай, доходит до зверя и бьет его.

Лайка обладает замечательным, драгоценным качеством, а именно: «молчаливым» гоном до того

момента, пока она не догонит зверя. Догнавши же его и остановивши, она лает на него, извещая тем самым охотника о постанове зверя. Таким образом, зверь бывает первоначально достигнут вполне неожиданно.

Работа лаек при постанове проходит в общих чертах следующим образом. Лайки, догнав медведя, стараются задержать его на месте, остановить. Это возможно только тогда, когда они медведя или загонят на дерево, или он начнет прижиматься к разного рода предметам, защищая свой зад. Самый прием лайки при постанове медведя заключается, главным образом, в хватках за гачи, и, следовательно, задача лайки сводится к тому, чтобы задержать сзади зверя и броском, в удобный момент, дать хорошую хватку, причем эта хватка должна быть основательной, до мяса, такой, чтобы медведь ее почувствовал даже в пылу схватки, так сказать, «сгоряча». Слабые, нерешительные хватки «за шерстку» обычно цели не достигают.

Нормальная, правильная работа лаек по медведю может быть лишь тогда, когда их не менее 2—3. Когда собак слишком много (более 3-х), то создается слишком много шума, я бы сказал, «беспорядка», и тогда вполне отчетливой работы почти не увидишь. Собаки будут мешать друг другу, сбивать с четкой работы, и иногда многочисленность собак может послужить даже причиной гибели какой-либо хорошей, увертливой собаки: собака, отлетев от броска медведя в сторону, назад почти не смотрит и вполне может наскочить на свою товарку, сбивши подчас и ее с ног. А даже доля секунды, потерянная при броске медведя, бывает роковой...

Если вы решаетесь пустить только одну собаку на медведя, то помните, что такая работа не будет или почти не будет состоятельной. Медведь, при постанове, всегда начинает отражать атаку собак и с полным напряжением фиксирует все свое внимание на собаках. Собаки, конечно, в таком же состоянии. Создается положение уси-

ленной слежки друг за другом. Медведь, при напряженном внимании, не будучи отвлекаем другой собакой и обладая быстротой и ловкостью, почти равными собачьим, никогда одну лайку не допустит к хватке за гачи. Если лайка и останавливает иногда медведя в одиночку, то не самыми хватками за гачи, а лишь попытками укусить, бросками к заду.

Это заставляет медведя беречь свой зад, вертеться, прижиматься к выскырям, деревьям и т. д., что и ведет к постанову. Иногда медведь залезает на деревья. Но такая работа далеко не каждой собаке доступна и все же не может быть признана вполне надежной: настоящей, подлинной работы лайки в одиночку мы не увидим.

Самая правильная, типичная работа по медведю и, я скажу, наиболее успешная будет лишь при 2 или 3-х лайках,—конечно, при условии их злобности и вязкости. При таком числе прекрасно осуществляется разделение труда: одна нападает с фронта и тем самым отвлекает внимание зверя, другие, атакуя с флангов, ловят удобные моменты и, молниеносно подлетая, дают хватки. Зверь при хватке собаки всегда моментально, как пружина, поворачивается, с целью словить тылого врага, и тем самым открывает свой тыл другим. Повторяется новая хватка новой собаки,—и опять моментальный поворот медведя обратно.

Две—три—четыре таких хватки,—и медведь начинает пекать какого либо предмета для защиты своего тела. Такими предметами бывают обычно в лесу выворот («выскырь»—по уральски), большая колодина (валежное дерево), толстое растущее дерево, иногда скалистый выступ камня. Подвернув почтенный зад свой к такого рода защите, медведь спокоен за свой тыл и начинает отражать атаки врагов уже только с фронта, что ему много легче.

Но и теперь, при новой фазе борьбы, страсти почти не стихают, ибо ярые нападки добрых, приемистых лаек заставляют зверя время от времени отрываться от

своей «базы» и бросаться за особенно назойливыми и черезчур близко подсеувавшимися зайками.

Картина только что описанной работы подстине полна дикой, своеобразной, чисто-охотничьей красоты и дает такое количество переживаний и впечатлений, что я бы рекомендовал каждому страстному охотнику хоть раз в жизни посмотреть ее!

При надежных собаках я бы никогда не советовал слишком торопиться с выстрелом. С выстрелом, в сущности, кончается вся поэзия охоты,—и продлить схватку со зверем, особенно, если при этом присутствуют молодые, вновь пригравливаемые собаки, и полезно, и приятно. Все же следует помнить, что раненый или разъяренный до крайности зверь, может броситься на охотника или на собаку столь злобно и стремительно, что уже никакие хватки его не остановят: собаки могут, как пиявки, висеть на звере сбоков и сзади, и все же медведь, преисполненный злобы и ярости, уже не обращает внимания на хватки собак и может броситься на своего главного обидчика. Зверь прекрасно понимает, что главный его враг—охотник.

Весной, после выхода медведя из берлоги, что бывает в разное время, в зависимости от хода весны, обычно снег далеко не весь стаявает и еще лежит в более закрытых от солнца местах, в логох, в ельниках. Картина в лесу получается пестрая; местами проталина, местами доскутья снега.

Крестьяне такой снег называют «пласты», и охота на медведя в таких случаях называется охотой «по пластам».

Весенний зверь после выхода из берлоги испытывает сильнейший голод, в лесу в это время пищи для медведя еще очень мало и зверь вынужден широко бродить в поисках оживших муравейников и старых гнилых валежии и пней, лежащих на солнцепеках, где еще есть надежда хоть что либо найти.

И вот, при этих то подсеках медведь невольно, помимо своего желанья, вынужден дать «след по пластам» и тем самым не только выдать охотнику свое присутствие, но еще и указать общее направление своего хода.

Охотник, заметив «на пластах» след зверя, должен поставить на него лаек и сам двигаться по нему, разбираясь тщательно на проталинах. При этой охоте собаки должны обладать сильным, тонким чутьем, так как на больших проталинах очень легко стереть след зверя, особенно если проталины на открытых местах, идут непрерывной цепью и соединяются одна с другой. При худых, мало чутьистых собаках приходится самому охотнику делать нечто вроде оклада, розыскивая след широкими кругами на лежащих далее «пластах».

Помимо чутья, при этой охоте лайка должна обладать крупным ростом, силой и выносливостью. Все это необходимо при схватке с медведем; если схватка случится в снегу, то слабенькой и небольшой лайке в весеннем, вязком и тяжелом снегу совсем ничего не сделать; мало того, что зверь от нее оторвется, — она и сама легко может погибнуть. В таком снегу медведь ее без труда словит и моментально изуродует.

Охота на весеннего медведя «по пластам» сравнительно редко практикуется, так как след зверя найти случается не часто (больше при охоте за глухарями). Охота эта кратковременна, так как период «пластов» никогда сильно не затягивается, а иногда может стать чрезвычайно тяжелой. Это в тех случаях, когда зверь уйдет в сплошные ельники, где снег обычно лежит да еще, и там, в сплошных массах застывшего снега, совсем нет хода охотнику, — ни пешком, ни на лыжах, — особенно если угадаешь в самый «распар».

Охота на «вольного» по молодой, мягкой траве очень интересна и увлекательна. Здесь не требуется от лайки

крупного роста и особой силы, но злоба и вязкость у лаек здесь положительно необходимы. Медведь, в силу своей тяжести, оставляет довольно ясный след, «сакму», как говорят промышленники Сибиря и Урала, и вот по ней то легко выслеживать зверя. Но в это время зверь очень подвижен, быстро бегают, много бродит, и его положительно ничто не стесняет. Он легко уходит при всякой обстановке, и здесь нужны особо злобные, приемыстые собаки и, конечно, с большой вязкостью. Все это необходимо еще и потому, что, как я уже говорил, зверь бродит широко, собаки в это время его обычно находят вдали от охотника, и последнему приходится потратить много времени для того, чтобы поспеть к месту постановки зверя.

Только очень злобные и вязкие собаки в это время будут держать его поцолгу. Лайка-медвежатница не должна отвлекаться никакими другими зверями или птицей во время охоты.—что, впрочем, относится ко всякой охоте на медведя всеми способами,—в противном случае, такую лайку уже приходится браковать: она может сильно подвести хозяина в самые ответственные моменты.

Охота осенью по черной и белой тропе мало отличается по существу одна от другой. Разница будет заключаться только в том, что по черногрову от собаки требуется более сильное и тонкое чутье, тогда как по белой тропе (по первому снегу) зрение у лайки и самого охотника в значительной степени может заменить недостаток чутья собаки: ведь след в это время бывает, как «печатанный»...

При охоте на гонного зверя по глубокому снегу в каждом отдельном случае необходимо сообразить и взвесить всю совокупность всех обстоятельств. Иногда бывает еще можно решиться преследовать медведя с лайкой, а иногда нельзя.

Здесь решение вопроса зависит от нескольких условий, а именно: от глубины и плотности снега, от силы и

здоровья зверя, от роста и выносливости ваших собак. Только взвесив все эти обстоятельства, можно решить вопрос—преследовать ли медведя или лучше взять его окладом, отказавшись от услуг лаек.

При слабых, небольшого роста, лайках и при очень глубоком снеге трудно, почти невозможно остановить медведя. Другое дело, если зверь очень сильно ранен и обессилел, ослаб от долгого пребывания в состоянии шатуна (голода) или потерял одну из лап в капкане, что на Урале нередко встречается.

Вообще же от охоты на гонного медведя с лайками при глубоком снеге в большинстве случаев выгоднее отказаться, если нет опасений потерять след, вследствие выпадки нового снега («жить» — по уральски). Всего интереснее взять такого зверя при помощи оклада или затем облавы.

Самая же ходьба по глубокому снегу очень тяжела; и лыжный ход, до первых осадков снега, бывает тоже очень не легок.

Совсем другая картина получается, когда приходится догонять зверя по насту. Наст, держащий зверя, конечно, сдержит и охотника на лыжах и собак, — и это обстоятельство дает возможность организовать интересную, захватывающую охоту, и если собаки у вас достаточно злобны, и сами вы выносливы, то успех в большинстве случаев обеспечен.

При преследовании по насту медведь вначале влет сильно и уходит довольно далеко. Затем под влиянием утомления он сбавляет резвости, собаки его догоняют, и начинаются первые потасовки медведя с лайками.

Их обычно не видишь, и только по следам на снегу видна картина коротких остановок и предварительных схваток. Но обычно при мало злобных собаках медведь отрывается от них несколько раз и бежит дальше и дальше. И только к вечеру первого дня, а иногда и на второй, медведь, уставши, начинает «принимать бой», с лайками.

Когда медведь устанет, то он уже не стремится бежать, а начинает пугаться в одной и той же местности и часто прежний след погони он вторично пересекает и даже иногда снова идет своим же старым следом, очевидно, в надежде запутать преследователей.

Если собаки недостаточно злобы, мало вязки и возвращаются назад, то охотники, идя следом зверя, должны их натравливать и снова посылать вперед. Если же собаки злобы и вязки, то в первые часы они могут уйти так далеко, что вы их не услышите, и лишь после нескольких часов ходьбы на лыжах вы станете различать их лай и, вероятно, уже на одном месте. Это признак того, что зверь остановлен.

Подходя к остановленному зверю, необходимо учесть направление ветра. Нет ничего хуже (к к прочем, и при всякой серьезной зверовой охоте) попасть под ветер. Поэтому, когда охотник услышит голоса лаек на одном месте, следует подходить к месту постанова зверя таким образом, чтоб ветер дул от зверя на охотника, т. е., выражаясь промысловым языком, подходить надо «из под ветра». Подходить, само собой разумеется, следует как можно тише, стараясь остаться незамеченным.

Как только удалось рассмотреть зверя, следует стрелять, не мешкая, стараясь не упустить удобного момента. Иначе в этот день может вторично такого случая не представиться. Хорошо вообще бывает всегда хотя бы ранить зверя, так как за раненым, особенно дающим кровавый след, собаки всегда идут значительно охотнее. Поэтому полезно стрелять в медведя, если вам удастся перевидеть его, даже на большом расстоянии. При этом, конечно, надо помнить о собаках, чтобы не ранить их, что легко при дальней стрельбе. Если охотников несколько, то нет никакой надобности идти всем вместе следом. Гораздо целесообразнее одному идти следом зверя, остальным идти несколько впереди и по бокам следа.

Наконец, следует упомянуть об охоте с лайками на капканного медведя.

Медведя ловят капканом на Севере и у нас на Урале в е с н о й, когда зверь выйдет из берлоги, до времени созревания ягод, что совпадает обычно с началом срады, и о с е н ь ю, когда в борах уже отойдет сбор брусники и малины. В перерыв же между этими двумя периодами капканы («железа», или «товушка», — по уральски) обязательно снимают, так как в противном случае они являются угрозой благополучию ягодников*) и скота. Постановка медвежьих капканов теперь является запрещенным способом, кажется, за исключением чисто промысловых районов.

Медведь, попавший в капкан, в сущности сразу попадет в положение г о н и м о г о зверя, так как он прекрасно понимает, что надо уходить как можно дальше и как можно лучше скрывая свои следы. Эта охота отличается от описанных выше только тем, что зверь уходит иначе, с большими уловками, задержками, что зверь уже ранен (ударом капкана) и, самое главное, что все же быстрота его хода в некоторой степени ослаблена.

Если медведь попал передней лапой, то еще ничего, — он часто берет капкан в передние лапы и несет его; но если он вцепился задней ногой, то остается довольно ясный так называемый «протаск», и тогда поиски зверя значительно облегчаются.

Задержки хода получаются, главным образом, потому, что медведь старается, с одной стороны, сорвать ненавидные «железа», а, с другой, — облегчить свои страдания. Он идет неизменно всегда туда, где надеется найти (вернее, — знает) воду. Он мочит, охлаждает себе лапу в каждом шурфе, речке, луже. Бывает, идешь за ним и с интересом смотришь, как он замутил воду

*) Собирающие ягоды.

в шурфе, а на грязи четко отпечаталась его лежка и его характерные следы с огромными когтями...

Капкан же медведь старается сбить всеми возможными и невозможными способами: он его и на пенки наезжает, и под колодины затискивает, и между деревьями зажимает, и по камням им хлещет, так что гнет и круг и била.

Мне приходилось несколько раз находить ямы, выбитые капканом, глубиной около метра и площадью больше 1 квадратного метра,

Вот эти-то остановки, а, главным образом, «протаски», облегчают работу лаек при отыскании капканного зверя. Чаще всего по «протаску» идут не сразу, а дня через 2—3 даже 4 после того, как медведь попался и дал след. Это объясняется тем, что «проедывать» капкан ежедневно почти никогда не удается, и о попавшемся медведе редко удается узнать сразу же, в первый день.

Работа лаек при розысках и охоте на капканного медведя по существу ничем не отличается от работы, которая охарактеризована при описании охоты по гонному медведю по молодой траве или по чернотропу.

Розыск капканного зверя, по моему мнению, для лайки значительно облегчен именно благодаря тем особенностям охоты, которые я вкратце отметил. Я замечал, что иногда собак как бы смущает капкан на лапе зверя, который гремит характерным металлическим звуком. Звук этот, кстати сказать, весьма обычный вообще в жизни, в глухом лесу, при охоте на медведя, приобретает какое-то особенное, выразительное, волнующее значение.

Вот этот-то звук, по моим наблюдениям, как бы смущает, несколько озабочивает некоторых собак, и они в начале капканного медведя берут как-то неуверенно. Затем вскоре это смущение у них проходит, и наступает обычное оживление, которое так дорого и так волнует сердце охотника.

Перечислив главные виды охот на медведя с лайкой, я должен подчеркнуть, что хотя существует и еще несколько способов охоты на медведя, при которых лайка не принимает специального участия (с лобазы, на овсах, на ургуе в Сибири, при тормовании, на сибирские самолосы и при случайных встречах), однако, следует всегда помнить, что при всех перечисленных способах все же лайка всегда может понадобиться. Если самый способ охоты и не требует непосредственного участия лайки, то финал охоты очень часто может быть не совсем неудачным. Другими словами,—охота может перейти в такую фазу, где первоначальный способ приходится оставить и начать как бы новую охоту, но уже с участием и помощью лаек.

Вот почему при всяких охотах на этого зверя следует всегда иметь под рукой по близости лаек,—хорошо приравненных по медведю.

ГЕОРГИЙ ДЕМИДОВ.

ОХОТА НА ЛОСЯ С ЛАЙКОЙ.

Существует несколько способов охоты на лося, — многие из них запрещены законом даже промышленникам Севера, — но способов, требующих прямого участия собак, так сказать, основанных на работе лаек, — только один. Это — охота с лайками зимой, путем отыскания лосей (или в местах их жировок, или на путях местных перекочевок) и «постанова» их собаками. Охота основана на том, что, с одной стороны, некоторые лайки, обладая молчаливым гоном по лосю, даже по «зрячему», забегают вперед зверя и лают на него, а, с другой стороны, на том, что лось часто, озадаченный лаем собаки, не бежит прочь, а останавливается и некоторое время «занимается» собакой. Вот схема, — принцип, — охоты.

Этот способ охоты, правильно организованный и проводимый, почти всегда протекает в период мелкого или средней глубины снега. Глубина снежного покрова, впрочем, всецело зависит от характера зимы, но обычно снег не бывает слишком глубоким, так как разрешение охоты на лосей в большинстве районов (Северный Урал, Сибирь) падает на первую половину зимы.

В старые, дореволюционные времена, когда лосей били еще по чернотропу, конечно, охотиться на лосей с лайками, по «способу постанова» (условимся называть его так, именно этим термином; по моему мнению, это название будет наиболее удачным) можно было и до выпадения снега, но отрицательные стороны этого способа

всегда были слишком очевидны: это—почти полное отсутствие следа и теплая погода. Без следа эта охота шла в слепую, а, в случае удачи, легко было все мясо испортить: ведь, одна вывозка, мяса может занять 1—2 дня, а в августе и сентябре стоит еще большое тепло...

Итак, следует признать, что лучшее время для охоты на лосей, по «способу постановки» есть первая половина зимы, пока еще снег не «оглубел», как говорят промышленники Урала.

Лоси зимой живут долго на одном месте, если их никто не беспокоит, и есть достаточно жировых мест. Хотя, по наблюдениям охотников и натуралистов, у лосей давно подмечена склонность к перекочевкам, но, тем не менее, лось старается, по возможности, без надобности далеко не ходить, не давать следа и тем не выдавать своего присутствия. Иногда лоси в хороших жировых местах живут по 2—3 недели, и даже более, на просторстве какихнибудь 5—10 гектар.

Найдя такие жировки, гденибудь в очень глухом, удаленном месте, невольно удивляешься дальновидности и осторожности зверя. Ведь совершенно правильный расчет: жить на маленькой площади, не давать в стороны следа,—и ты обеспечишь себе наименьший риск быть разысканным своим врагом!

Но когда зверь потревожен или собаками, или людьми, то он делает со своих жировых стоянок уже очень большие переходы, — по несколько десятков, а иногда сотен верст. Это и понятно, зверь старается уйти от опасности, от своих врагов. Но вот мало понятно то обстоятельство, что лоси без видимой причины делают громадные перекочевки, чем и объясняются иногда внезапные их появления или отсутствие. Мы, охотники, давно подметили, что подобные перекочевки в большинстве случаев приурочены к выпадке снегов. Попросто, «по промысловому», это объясняют очень веско: промышленники говорят:—

«зверь чувствует кить *) и под кить делает переходы, чтобы скрыть след и свое присутствие». В чем тут заключается разгадка, где лежит истина, — мы пока не знаем. Будем ждать, что нам скажут ученые зоологи - натуралисты, которым предстоит исследовать до конца вопросы миграции. Вот эти - то перекочевки иногда облегчают, а больше затрудняют отыскание зверя.

Охота на лосей с лайкой в это время года обычно производится без лыж, пешим ходом, а лошадей приходится использовать лишь «для заезда» в район охоты. Этот заезд имеет большое значение для сохранения сил охотников. Помимо того, что при этой охоте требуется большая затрата сил при громадных переходах, но еще охотникам приходится все продовольствие носить на себе в котомках или «крошнях». Иначе устроиться, никак нельзя, так как вся охота носит бродячий характер и охотник, вышедший с места ночевки из какой-либо куренной или покосной избушки или от нодьи, совершенно не знает, в какой стороне и как проведет следующую ночь, так как маршрут его всецело зависит от направления следов или от места нахождения самого зверя.

Наилучшее число участников такой охоты установить довольно трудно, так как при решении этого вопроса играет огромную роль и характер местности и способности собак, и, наконец, даже поведение лосей в эту осень, каковое не бывает одинаковым каждую осень. Где характер местности островной, как, например, в Новгородской, Ленинградской и Псковской губерниях, и собаки зверя держат плохо, там для успеха охоты выгоднее собрать наибольшее число охотников, так как при таких условиях следует занять все переходы (лазы) зверей. При средних же уральских или западно-сибирских условиях наиболее выгодным является, когда эта охота орга-

*) «Кить» — выпадка свежего снега, слово уральских промышленников.

низуются из небольшой артели в 3—4 человека. Это число обеспечивает, с одной стороны, возможность соблюдать необходимую тишину и осторожность, особенно при подходе к «постановленному зверю», а, с другой, — дает возможность с 3—4-х сторон охватить район «постанова» и подходить к нему с разных сторон, что очень важно. Зверь «сорвавшись» с постанова, при таком способе легче может наскочить на пулю. Конечно, можно охотиться и вдвоем, и одному, — но я выясняю число охотников, н а и б о л е е ц е л е с о б р а з н о е при данном способе охоты.

Проехавши мертвое, неохотничье расстояние от дома до района жировок, лучше всего лошадь, доставившую охотников, отпустить домой, так как дальнейший маршрут охотников обычно бывает весьма неясным, — сторону, из которой охотники будут возвращаться домой, никогда заранее указать нельзя.

При этой охоте лосей следует искать или в так называемых «жировках», или в «вывалках», или в ельниках и пихтачах. Вот эти-то места охотнику и следует обследовать, обсудив, конечно, предварительно степень вероятия найти зверя, в зависимости от условий момента, там или тут.

Дело в том, что в ельники, пихтачи (также и в кедровники) лось заходит, главным образом, в сильные ветры и холода, так как леса этого типа почти всегда расположены в низинах, в долинах между гор или на горных склонах. Такое топографическое положение почти всегда обеспечивает здесь затишье, да и самый характер ельников и пихтарей препятствует ветру (густые, плотные кроны деревьев).

Теперь о «выломках». «Выломки», «вывалки», или «ломь», — это названия на языке уральских промышленников тех мест леса, где произошел сначала лесной пожар, а затем деревья с подгоревшими корнями ветром свалены на землю. На языке же лесоводов этс — «гарник»

или «горельник» с ветровалом. Картина таких «выломков», или «горельников», поистине кошмарна; здесь вы видите полный хаос, картину полного безотрадного разрушения...

Но восстановительные силы природы безграничны. Через несколько лет после пожара почти всегда, за редкими исключениями, вы можете наблюдать, что горельник подобного рода покрывается быстрорастущими осиной, березой, рябиной и некоторыми видами ив. Это как раз те породы деревьев, которые служат главной и любимой пищей лосю во всех его возрастах, за исключением, конечно, телят-сосунков. Получается великолепнейшее место для кормежки лосей т. е. так называемая «жировка».

Но такие жировки в «ломах» имеют еще одну особую притягательную силу для лосей; такие места для них являются наиболее спокойными, так как в такие трудно-проходимые «чертоломы» добрый человек никогда не идет: и делать там ничего, и ход там таков, что «столько лешему ходить»... Лось, потревоженный где-либо, переходя в другое место, чаще всего старается уйти именно в такие места, потому что его там реже тревожат.

Но такие «вывалки» трудны, неудобны бывают для самок лосей (коров), которые ходят с телятами этого года («селетки»; от слов «сего лета»), и семьи лосей, в составе которых есть «селетки» стараются при первой же возможности выйти из ломов и перейти в нормальные, обычные жировки, где нет валежного леса.

В тех же случаях, когда лоси спокойны, никто их не беспокоит (кроме человека, у лося есть еще враги: медведь, волки и иногда, особенно для молодняка, рысь) они всегда в это время держатся в жировых местах, я бы сказал нормального типа.

Жировки такого рода—это есть тоже молодые насаждения (от 5 до 20 лет), состоящие из осины, березы, ив

(таляники) и рябины. Такие леса, главным образом, — возникают на сплошных вырубках и, как я уже упоминал, на местах обширных лесных пожаров, на которых валежник или собран, или сгорел до тла. Сплошные вырубки на Урале еще недавно практиковались в форме так называемых старо-уральских куреней, т. е. вырубки леса на обширнейших, неправильной формы площадях. Вот в результате таких-то рубок, куренями и сплошными лесосеками, а также и подчищенных гарей, — образовывались и образуются вновь прекрасные лосиные жировки.

Здесь будет уместно упомянуть о том, что лоси иногда едят также молодые побеги сосны, пихты, ели и даже, как это не странно, можжевельника. Причем я замечал, что лоси едят эти и е о б ы ч а й н ы е для них кушанья тогда, когда они вынужденно стоят в елово-пихтовых массивах по тем или иным причинам и, видимо, не желая пока менять, по своим соображениям, места стоянки, довольствуются этой пищей из хвойных пород.

Лось всегда ест только молодой побег, как самый сочный и более питательный. Если деревцо высоко, и лось не может достать рта побегу, то он деревцо пропускает между передних ног, наклоняет его и таким образом без труда об'едает на нем молодые побеги. Зимой, в сильные морозы, деревца, конечно, хрупки, и лось при сгибании их ломает. Иногда на таких жировках приходится видеть массы сложенных ели, берез и ивняка.

Шерсть на груди у лосей зимой, в холода, часто бывает сильно потерта, и иногда даже можно видеть раны и занозы. Мне рассказывали промышленники, что у убитого лоса была в полости рта за десной громадная заноза, длиной вершка в два и толщиной с карандаш, которая заросла. Очевидно, лось в сильный мороз, ломая зубами более толстую часть стводика дерева, получил эту неприятность. — хотя мне не вполне ясно, зачем ему понадобилось именно зубами ломать дерево тогда, когда

обычно они наклоняют его грудью, как это я описывал выше.

Нередко ест лось также охотно осиную кору с деревьев 2—3 и 4 вершка, оглаывая довольно высоко.

Я много раз замечал, что на Урале лоси выбирают себе место жировки на вершине горы, хотя, казалось бы, из-за холодного ветра, там им быть как будто невыгодно.

Объяснить такое стремление на вершину гор, где, кстати сказать, самые жировки всегда бывают более скудными, я могу только тем, что лоси там чувствуют себя безопаснее. Находясь на вершине, лось легче может заметить всякую опасность. И действительно обзор ближайших мест с вершины значительно облегчен, да и на горах всегда бывает меньше белочников, и прочего лесного люда. В Ленинградской и Новгородской губерниях я этого не мог заметить, так как охотился всегда в равных, низких болотистых районах.

Придя в жировки, охотнику, помимо свежих «скусков» побегов, следует искать свежие следы, которые с большей точностью могут указать не только на присутствие зверя, но и на то время, которое протекло с момента его прохождения и до прихода охотников.

Проходные лоси, идущие из одного района в другой, почти не жируют; следы у них идут «грязой», в тропу, часто сливаясь или даже след в след. Если следы стали расходиться, путаться, то это верный признак начала их жировки, и, подняв взор от следов кверху, вы всегда неизменно увидите «скуски» побегов, следы жировки лося. По самой жировке следы расходятся довольно широко, перекрещиваются, путаются и только след молодого теленка почти все время вы увидите вблизи следа коровы.

Кроме следов, вы почти обязательно увидите следы лежки и кал.

Нормальный зимний день, если они ничем не потревожены, лоси проводят следующим образом. С рассветом,

поднявшись с лежек (лоси лежат прямо на снегу), все лоси,—и старые, и молодые,—принимаются кормиться, жировать. В это время они разбредаются по жировке, но не особенно широко. Так продолжается часов до 11—12 дня. В это время лоси ложатся на отдых и лежат, примерно, часов до 2-х дня. Место для лежки выбирают гут же в жировках, но только стараются лечь или на солнце, или под защитой опушки более крупного леса, если он есть. Быки стараются лечь в стороне от коров, так как находящиеся почти всегда при коровах резвые телята беспокоят серьезных и суровых отцов.

После 2-х часов дня лоси до самых сумерек опять кормятся, после чего ложатся на ночь, до утра, также вблизи жировых мест, и если нет сильного ветра. При сильном ветре они стараются уйти в елово-пихтовые леса.

Каждому охотнику за лосями следует уметь распознавать следы лося с той целью, чтоб определить пол и возраст зверей. Научить этому по описанию очень трудно, это дается только продолжительным опытом и наблюдением. В кратких чертах можно дать следующие указания. Следы лося в общем напоминают след домашней коровы, но только у лося след вытянутый и чистый. След быка круглее, а у коровы продолговатее. Но это общее указание все же может оказаться для молодого охотника недостаточным. Бывает иногда и у быка несколько продолговатый коровий след. След старой коровы легко спутать со следом молодого быка, и наоборот. Также следует отметить, что корова после тelenия несет задние ноги несколько шире быка.

Распознавать след, конечно легче, при спокойном ходе зверей; на бегу, да при пыльном, рыхлом снеге,—это труднее. Зато на бегу охотнику неопровержимым доказательством служат те удары на коре деревьев, которые бык делает своими рогами. Преследуя зверя молодняками, легко проследить даже по этому признаку.

Точно также для распознавания пола и примерного возраста следует пользоваться пометом лоса, который всегда на этой охоте находится в достаточном количестве. Помет быка круглый, близок к форме шарика, а помет коровы более продолговатый. Опять таки и здесь можно спутать старую корову с молодым быком, но здесь уже надо сопоставлять все,—след, и помст, и следы ударов на деревцах от рога быка.

Следует также научиться определять, так сказать, «время следа», т. е. время, когда зверь наследил. Для этого надо учитывать оттепели, приморозы, выпавший снежок или крупу, ветерок и количество лесного сора, попавшего в след. Всем этим тонкостям по описанию научить невозможно; здесь нужен опыт, большая наблюдательность, учет ветра и перемен погоды; все это дается многими годами таежной, промысловой жизни.

Наилучшим временем для охоты с лайками «по способу постанова» следует считать утро,—с рассвета до того момента, пока лоси еще не легли отдыхать, т. е., примерно, часов до 11—12 утра. Давно охотниками замечено, что лоси, будучи найденными собаками во время отдыха, на лежке, стоят много хуже, а, вскочив с лежки, как бы неожиданно испугавшись, бегут прочь. Это и понятно, если принять во внимание и работу собак, и психологию зверя, который как бы должен приглядеться, привыкнуть к нам, как это будет видно из дальнейшего изложения.

Во время вечерних «жиров» лоси также менее пугаются, но это время все же нельзя признать наилучшим уже потому, что вечером дело идет к ночи, и, в случае, если лоси сорвутся с постанова, охоту придется оттягивать еще на следующий день.

Хорошая работа хорошей лайки по лосю—это есть проявление наивысших духовных и физических свойств лайки, находящихся в гармоническом сочетании. Если

тонкий знаток собак, охотник и наблюдатель природы, сможет проследить от начала до конца всю филигранную работу лайки-лосятницы, которая то с умным, вкрадчивым, любопытным видом мягко лает впереди лося, то с величайшим напряжением всего своего организма обгоняет стороной лесного великана, как паровоз с треском стремящегося по дикому лесу, и вновь задерживает его уже более энергично и напористо, — то он невольно согласится со мной и скажет, что способности зверовой лайки граничат с genialностью.

Хорошая лосятница-лайка, и притом достаточно опытная, всегда обладает широчайшим поиском. Судя по следам, охотники считают, что ширина поиска лосятниц-лаек простирается в несколько верст. При поисках лосей охотники делают нередко громадные дневные переходы, и вот при таких то переходах иногда лайки исчезают на несколько часов, на полдня. Это означает, что они где то очень широко ищут, по всей вероятности, в тех жировках, которые им были знакомы раньше. Разве это не говорит о памяти и уме лайки? Нередко охотники слышат лай вдали, за 2-3 версты, и дойдя до лая, убеждаются в том, что собаки уже давно нашли зверя и держат его.

Но в том случае, когда зверя в данной местности нет, лайки, обыскав все кругом, спустя несколько часов возвращаются к хозяину и безучастно идут сзади, словно ни к чему неспособные. Человека, не посвященного в тонкости этой охоты, даже досада может взять. Он подумает, что эти собаки плохи и даже бесполезны, так как не ищут «по таким дивным местам».

На самом же деле опытная лайка, обыскав уже на много верст кругом район и все знакомые жировки, превосходно знает, что тихоход-хозяин идет и будет долго еще идти по местам, заведомо для нее пустым. Невольно я себе мысленно представляю досаду собаки: хозяин идет и что-то надеется найти, когда она уже

заранее обожгла их и прогира но знает, что там ничего нет.

Наблюдательные охотники поэтому хорошо учитывают поведение собаки. Если собаки долго нет, то надо и и прислушиваться. и т ли где лай, и и же ва о прямо итти с следом собаки, так как иногда это бывает единственным выходом. Если же собака вернулась в спокойным видом плетется сла и, то это значи — лосей нет, пока будь поко и и иди поспригичнее в другие районы.

Широкий, так называемый, глубокий поиск для лосятицы при этой охоте является наиболее желательным.

Сами охотники, конечно, также должны обходить все жировые районы и все время прислушиваться, не слышен ли где либо лай собак. Услышав лай и определив его направление, охотники торопятся итскорее дойти до места постановова, так как зверь не всегда долго стоит, а нередко «срывается» и бежит на ухол. Здесь дорога каждая минута. Иногда, запоздавши немного к постановову, охотники потом мучаются и д-нь, и два, если лоси плохо стоят.

Промышленниками уже давно замечено, что лоси стоят под собаками далеко не одинаково в разные осени.

Дальнейшая работа хорошей лосятицы протекает при благоприятных условиях следующим образом.

Найдя при поисках свежий след, лайка всегда молча добирается до самого зверя.

Хорошая, чувствительная лайка пойдет по следу, который имеет 2-х и даже 3-х дневную давность. Для тупой же, нечувствительной лайки такой след покажется старым, и самостоятельно по нему она не пойдет. В данном случае охотники, наткнувшись на такой след, должны сами проявить инициативу и, идя следом, стараться дойти с собаками до свежих жировок лося.

Бывают, конечно, случаи, когда лайки неожиданно причуют или просто наткнутся на самых зверей, без предварительного хода по следу.

Так или иначе, добравшись до зверя, хорошая лайка весьма осторожно начинает лаять на лося, не подбегая даже к нему ближе 20-30 шагов. Грубый, энергичный или чересчур злобный лай и наскок здесь может в большинстве случаев испортить дело, заставив зверей броситься. Собак, которые таким грубым образом атакуют зверя, промышленники называют «хамистым» и всегда браку от их. Хорошая, опытная лайка должна тихо и спокойно появиться перед лосями, лай начать редкий, легкого и издали, как бы успокаивая зверя. При этом собака должна быть все время впереди лоса, лаять «с головы», — отнюдь не забегая сзади лоса и тем более не бросаясь к нему сзади. Постепенно лось, успокоившись и как бы обтерпевшись, будет выдерживать и более энергичный и злобный лай; важно сразу, с первых минут не стронуть его.

Один охотник мне рассказал, что его собака, найдя лоса, сначала не лает, а легонько обегает его большим кругом, затем перед ним, ввиду его, шагах в 30-40, поваливается в снег и потом уже слегка взвизгнет, подождет, еще взвизгнет и уже затем легонько и тихо начинает лаять, все время держась с фронта. Лай ее постепенно становится более энергичным, злобным и упорным.

Вот такую работу, в сущности, следует признать очень хорошей. Как видите, прием, так сказать, метод работы лайки здесь резко отличается от метода лаек-медвежатниц. Поскольку медвежатница старается удерживать зверя стихийной злобой и болезненными хватками, постольку же лось удерживается на месте не хватками и злобой, а тем, что его собака «занимает», возбуждая в нем не страх, а скорее как бы удивление и любопытство. Одним словом, собака должна вести себя так, чтобы лось не стремился избавиться от нее, убежать, а нао-

борот, заинтересовался бы собакой, как бы занимаясь с нею.

Лось сначала смотрит на собаку довольно спокойно, но зорко, и перестает кормиться, затем он начинает постепенно сердиться на назойливую зверушку. Он как-то странно «шепчет» и «бунчит» своей громадной верхней губой и временами «пышкает» на собаку. Злоба в нем как бы постепенно закипает и копится. Временами он кидается на собаку, как бы с целью ее затоптать, убить копытами или прогнать. Ловкая, увертливая собака должна отскочить несколько в сторону и сейчас же забежать с головы и начать снова свой лай.

Лось, бросившись таким образом на собаку и пробежав так сажен 10-15, почему то часто снова возвращается на свое старое место, и странный турнир лесного великана с маленьким помощником охотника начинается вновь.

Вот, в сущности, такова будет довольно типичная картина того знаменитого «постанова лоса» лайками, о котором многие охотники имеют неправильное представление.

Даже один крупнейший охотник по медведю, ныне покойный, врал невольно в ошибку, когда стал описывать работу лайки по лосю.—Из уважения к памяти покойного я не буду называть его имени, укажу только на ту ошибку, которая, по моему мнению, им была допущена. Он писал, что лучше всего лоса лайка останавливает хватками за верхнюю губу или за переносицу между верхней губой и ноздрями. Нормальный, здоровый лось и не допустит до такой хватки, так как его храп находится на высоте почти двух метров, а самое главное то, что такая собака будет немедленно убита передними ногами лоса.—Такая хватка возможна только при глубоком снеге, при насте, и то только тогда, когда лось или ранен или замучен до последней крайности. Словом, это возможно только при

особых, исключительных обстоятельствах. При законной охоте, в срок (в Сибири и на севере Урала—в первой половине зимы) такой случай почти невозможен.

И так, слишком злобная, «хамистая», как говорят промышленники, лайка всего скорее испортит охоту, угрожит зверю, а остановить лучше всего сумеет мягкая, вежливая, малозлобная собака. Вот почему промышленники Урала резко делят по внутренним свойствам лаек на медвежатниц и на лосятниц. У лаек этих двух рабочих уклонов резко различаются и методы приемов (работы), и самый характер собак.—Медвежатницы всегда и везде злобны; лосятницы—мягки, малозлобны и вежливы.

Лось, бросившись на собаку, иногда перескакивает через нее и тогда часто бросается бежать; по промысловому это называется «сорвался с постанова». Если лось сорвался с постанова, это значит, что он или подозревает скрытую опасность во всей этой забавной истории с собакой, или вообще эта «канитель» ему надоела. Так или иначе, но он хочет отделаться от собак. Опытная лайка, конечно, немедленно же стремится забежать спереди зверя и, повторив прежние приемы, но уже теперь более энергичные, опять «постановит» его. Лось, сорвавшись с постанова, почти всегда идет иноходью, а иноходь взрослого лося, по моему глазомерному наблюдению и подсчету, примерно, будет иметь скорость от 15 до 20 верст в час, т. е. очень солидную. Собаке для того, чтоб обогнать лося и появиться впереди его, приходится отдать всю свою силу и легких, и ног.

Хорошая лосятница, само собой разумеется, «на погон» за лосем бежит молча и притом не самым следом, а стороной. Молчаливый гон по зверю—это свойство имеется не у каждой лайки, и его следует признать качеством для охотничьих целей драгоценным. Гон же не по следу, а стороной имеет большой, глубокий смысл. И на самом деле: если бы собака гнала за лосем сле-

дом, т. е. сзади зверя, то это только подгоняло бы его, а собаке было бы труднее забежать спереди. Говясь же стороной и обгоняя зверя, лайка старается все время забежать спереди, с головы, и лаем, озадачив опять лося, остановить его. Конечно, сразу это почти никогда не удается, и здесь уже дальше ставка идет отчасти на выносливость и утомление. Вот здесь-то и важна собака нестомчивая и вязкая.

Идя уже следами этой молчаливой борьбы лесного великана с другим охотника, невольно восторгаешься способностями лайки; ее умом, знанием привычек зверя и страстью. Вы на снегу, как по напечатанному, видите, как лось шел крупной иноходью (это по 20 верст в 1 час), сбивая рогами сухие сучки и усыная ими свой стахийный бег; вы видите, как ваша помощница — лайка «хлестала» стороной шагах в 20—30 от лосиного следа; вы видите, наконец, на снегу так называемые «обсечки», т. е. неудачные попытки лайки остановить. «Обсечка» — это перескакивающий след лося со следом собаки. Лайка, перегнав лося, стремится забежать вперед и остановить зверя. Это не удается: или лайка опоздает, — зверь пролетит раньше, или зверь, не останавливаясь и налетая на собаку, заставляет ее отскочить в сторону. Так или иначе, но вы с легкой грустью видите, что «постанова» в этом месте не состоялась; ваша дорогая помощница была безильна, ибо у лося не было еще настроения остановиться.

Вот при этом-то беге лося, когда он сорвется, лучше всего находить подтверждение своим наблюдениям по следам относительно пола зверя; ведь, след иногда и не дает точного вывода. Здесь же, на бегу, бык всегда выдает свой пол. Своими рожищами он или сбивает мелкий сухой сук, или ударяет по коре деревьев. На молодых осинках и березках эти удары всегда особенно отчетливо видны.

Когда лось старый, опытный и подозревает во всей этой истории скрытую опасность, то он может очень упорно бежать несколько десятков верст и всячески ста-

рается отделаться даже от самых вязких лаек. Мне, например, случилось видеть дикую, полную именно дикой красоты картину, когда лось, преследуемый двумя очень вязкими лайками, 4 раза бросался в озеро с целью переплыть его. Но озеро было уже покрыто льдом толщиной в 3 сантиметра и, конечно, не выдерживало зверя в 18—20 пудов. Зверь с берега же, сразу проваливался, брызги воды, осколки льда и грязь со дна озера летели во все стороны, лось, как паровая машина, крушил с треском вокруг себя, а легкие лайки крутились на льду вокруг своего могучего врага. Проплыв сажени 4—5, лось выскакивал обратно на берег, оряхиваясь от воды. Дело было в полдень, солнце ярко светило, и все искрилось, блестя и переливаясь, как драгоценные камни. Так повторилось четыре раза, пока зверь не обжег озеро кругом, разрушив при этом попутно лед на маленькой речке. Лось не желал стоять. Мы с товарищем, стоя в 150 саженях, чувствовали себя бессильными перед таким могучим, красивым и смелым животным.

Для того, чтобы закончить описание самого «постанова» и «погона», я еще упомяну о том времени дня, которое считается лучшим для наиболее легкого постанова зверя.

По мнению большинства охотников и по моим личным наблюдениям, лось вообще спокойнее в то время, когда он жирует; следовательно, и шансы остановить его лайками увеличиваются именно в эти часы, т. е., утром, с рассвета и до полудня, и затем к вечеру, от 2—3 час., примерно, и до сумерек. Во время же лежки, дневного отдыха (прим., от 11—12 ч. дня и до 2—3 час. дня) внезапное появление собак действует на лоса нервующим образом, и он всегда более склонен броситься именно в это время. Молодым охотникам, желающим видеть работу своих лаек по лосю, следует иметь в виду это обстоятельство.

Весьма существенным является в этой охоте решение вопроса о числе собак.

Лось, как видно из предыдущего описания, удерживается на месте не силой или злобой собаки, а ее умением подействовать на психику самого лося и заставить его заинтересоваться, «заняться» собакой.

В этом психологическом моменте есть нечто общее с охотой на глухаря с лайкой: глухарь также не боится собаки, а лишь только заинтересовывается ее поведением. Следовательно, суть не в числе собак, а в их умении повлиять на лося в желательном смысле. По моему мнению, все же две или три собаки, достаточно вежливые и талантливые, скорее смогут остановить лося, чем одна. Все же лось через собаку редко скачет. Он старается броситься в сторону, и вот в этих-то случаях важно вести эту тонкую атаку с 2-х или 3-х сторон.

Но, беря большое число собак, надо помнить, что одна бездарная может испортить всю охоту так, что несколько талантливых уже не поправят ее. Например, — хватки сзади за ноги или лай вслед убегающему зверю есть крупные недостатки, и, строго говоря, такие собаки должны браковаться. Хватки же сзади за ноги, помимо всего прочего, для собаки очень опасны.

Учитывая особенности описанной охоты, не трудно определить и те специфические требования, которым должна отвечать хорошая лосятница — лайка. Чутье, конечно, нужно при всякой охоте, но при этой охоте чутье необходимо не только тонкое, но в нем еще обязателен, так называемый третий элемент чутья, т. е. осознание той эманации, которая воспринимается носом собаки. Собака должна отчетливо сознавать давность следа, свежесть его и запах самого зверя, независимо от следа. — Собака со слабым чутьем никогда самостоятельно не дойдет до зверя даже по сравнительно свежему следу, и охота с такой

собакой никогда не будет успешной. Словом здесь, при этой охоте, нужна собака весьма и весьма чутливая.

Поиск должен быть весьма широким, иначе вы никогда не будете уверены в том, что проходимый вами район лосиных жировок вполне добросовестно обыскан. Самому же охотнику выходить все жировки положительно невозможно.—Бывают, правда, и недурные лосятницы без широкого поиска, но их роль ограничивается только лишь той помощью, когда они прибегут к своим подругам уже на «готового», т. е. уже найденного зверя.

Вежливость, мягкость и специальная манера лая по-настоящему необходимы. О них я уже писал, полагаю, достаточно, и здесь только перечисляю их в числе обязательных свойств лайки-лосятницы.

Затем весьма желательны большая выносливость, сила и увертливость. Сила и выносливость обуславливают успех дополнительных постановок, когда зверя надо догнать после «срыва», а увертливость нужна для собственного спасения, когда надо отскочить от копыт озлобленного быка.

Рост собаки и цвет ее псовины имеют не меньшее значение. Дело в том, что глубина снежного покрова иногда и в первую половину зимы, особенно на Западном склоне Уральского хребта*), достигает значительной глубины. И вот притаких-то условиях коротконожке в лесу делать совершенно нечего. Что касается цвета псовины, то, как говорится, «по этому вопросу ученые еще спорят». И действительно, одни охотники утверждают, что цвет рубашки не имеет никакого значения, а другие уверяют, что лось боится

*) Охотниками давно подмечено, что снежный покров на западном склоне Уральского хребта всегда бывает глубже, чем на восточном. Очевидно, там осадков больше, так как господствующие ветры и циклоны, несущие нам воздушные массы с осадками, идут с северо-запада и прежде всего конденсируются на западных отрогах Урала.

собак черных и темно-серых более, чем собак других окрасов. Темных собак он принимает или за медведя, или за волка, встреч с которыми он избегает и от которых, кроме неприятности, ему ожидать нечего. Собаки же светлых или пестрых окрасов для лося являются необычайным зверем, к которому еще следует приглядеться и поближе познакомиться. Где лежит здесь истина, — судить трудно, но впечатления той части охотников, которые говорят о сходстве лаек с лесными зверями, мне лично кажутся весьма вескими, и я всегда был склонен присоединиться к этому мнению.

Что касается роста лаек, то это обстоятельство с полной очевидностью сказывается на возможности продолжать охоту даже в тех случаях, когда снег достигает значительной глубины. Маленькие собаки в таких случаях, независимо от своей воли и количества заложенной в них охотничьей страсти, быстро выходят из активного строя.

При этой охоте всякая собака, вообще говоря, в это время находится под угрозой быть убитой передними ногами лося, но маленькая подвергается этой опасности в большей степени. Все охотники, которые охотились за лосями, знают массу случаев, когда собаки, не успев отскочить или запутавшись в валежнике или чаще, становились жертвами неравного боя.

Раненый лось бывает нередко опасен и для охотника, кидаясь на него с целью убить опять таки передними ногами. В длинные, зимние ночи, ночуя где-либо у смолевого пня или у ножи, нередко приходится слышать о подобных случаях, когда неразговорчивый промышленник нехотя расскажет о печальных уроках в своей жизни.

Есть еще одна опасность, которой подвергаются собаки при этих охотах. Это — опасность потерь собак. Лоси, будучи сильно науганы, нередко стараются сделать переход в несколько десятков верст. Вот при этих-то чудовищных переходах и получается сильный разрыв между

охотниками и собаками. Охотники в таких случаях естественно на много верст отстают от зверя и собак. Привязавшись к зверю, вязкая лайка нередко идет с ним и день, и два. Не видя долго хозяина, лайка, в конце концов, бросает зверя и выходит на ближайшую дорогу. Идя по дороге, собаки попадают в совсем чужие деревни и часто теряются. Следует особенно ценить в лайках-досятницах способность возвращаться издалека домой, но, к сожалению, эта способность далеко не у всех и не в одинаковой степени развита.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИКОВО

СОДЕРЖАНИЕ.

А. И. Эмме.

О лайке 3

Происхождение лайки.—Разновидности лаек.—Описание охотничьего типа.—Описание ездовых лаек.—Содержание, воспитание и натаска лаек.

А. Сарафанов.

Охота по перу 21

Белкование 42

Георгий Демидов.

О работе лайки по медведю 51

Охота на лося с лайкой 72

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

33791

Цена 45 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Свердловск, улица Ленина, 27.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО